
Аркадий Арк
Война философий
Часть II
Главный вопрос философии -
«Как создать коммунизм?»

Аркадий Арк

Война философий. Часть II. Главный вопрос философии - "Как создать коммунизм?"

https://litres.ru/74753659
SelfPub; 2026

Аннотация

Данная книга философа Аркадия Арка является продолжением сразу двух книг. Она является второй частью книги "Война философий. Часть I. Предсестники филоистики", а также продолжением книги "Главная ошибка марксистов - основной вопрос философии".

В представленной здесь работе философ продолжает разговор об основном смысле философии, об основной проблеме философии и о главном вопросе философии. Рассматриваются вопросы построения идеального общества. И в рамках этого обсуждается идея безусловного базового дохода (ББД) граждан. Также в книге подняты многие другие вопросы философии и общества.

Содержание

Основная проблема и главный вопрос философии 5
Краткое объяснение к названию второй части книги «Война философий» 7
Оглавление 10
Вступление в тему 11
Небольшое социальное исследование по теме 13
- Вопрос на засыпку 13
- Небольшое отступление для отсылки к великим именам 15
- Что об этом думает наука? 18
- Ответы опрашиваемых нами людей 20
- Ответ от ИИ 27
- Предварительные выводы исследования 30
- Окончательный вывод исследования 32

Проблема языка и понятий 35
- Что такое «проблема»? 37
- Что такое «вопрос»? 39
- Возникновение проблем и вопросов 41
- Главный или основной? 48

Критика ОВФ Энгельса со стороны филоистики 51
- 1. Размытость понятий 52
- 2. Как Энгельс подставил марксистов 54

3. Как Энгельс навредил научной философии 64
4. Какую действительную проблему вскрывает Энгельс? 88
5. Причины заблуждения Энгельса. Философия – это не философы! 94
Проблема понимания философии 110
Как менялись представления о философии 125
Идеалистические представления о главном вопросе философии 189
Материалистическая история решения главного вопроса философии 199
Конец ознакомительного фрагмента. 201

Аркадий Арк
Война философий. Часть II. Главный вопрос философии - "Как создать коммунизм?"

Основная проблема и главный вопрос философии

«История философии является не просто зеркалом научного развития, но также представляет собою главным образом поле борьбы». (Немецкий философ и врач Вильгельм Вундт).

«Когда нацисты хватали коммунистов, я молчал: я же не был коммунистом. Когда они сажали социал-демократов, я молчал: я же не был социал-демократом. Когда они хватали членов профсоюза, я молчал: я же не был членом профсоюза. Когда они пришли за мной – заступиться за меня было уже некому». (Немецкий христианский пастор Мартин Нимёллер. Так он объяснил бездействие немецких интеллекту-

алов и их непротивление фашистским нацистам).

«Добро невозможно без оскорбления зла». (Русский философ и писатель Николай Чернышевский)

«Философия есть мобилизация на фронт духа. Решительная и бесповоротная». (Русский теософ Александр Дугин).

«Во все века естественная философия встречала докучливого и тягостного противника, а именно суеверие и слепое, неумеренное религиозное рвение… по причине невежества некоторых теологов закрыт доступ к какой бы то ни было философии, хотя бы и самой лучшей». (Английский философ Френсис Бэкон)

Краткое объяснение к названию второй части книги «Война философий»

Правильнее было бы дать другое название этой части книги. Стоило написать в названии так: «Главный вопрос философии: «Как создать идеальное общество?»». Но название: «Как создать коммунизм?» – более вызывающее, интригующее, привлекающее внимание. К тому же именно коммунизм у многих ассоциируется с идеальным обществом. Я выбрал это название, по большей части, с целью привлечь внимание читателей. Хотя рассуждения в этой книге правильнее относить к проблеме построения именно идеального общества, а не коммунизма. Я вовсе не склонен считать коммунизм идеальным обществом. Идеальное общество – это цель, мечта, идеал. Идеальное общество недостижимо, но к нему необходимо стремиться. Жизненно необходимо для человечества.

Коммунизм нельзя назвать идеальным обществом потому, что он не решает все проблемы человека. Но экономически и социально он должен быть более справедлив, гуманен и научен, чем капитализм. Именно в экономическом и социальном плане. Ведь коммунизм – это, прежде всего, эко-

номическая формация. А экономика не может не влиять на социальную сферу. Но это не значит, что при коммунизме не будет проблем, характерных для этой экономической формации. Они будут. Поэтому коммунизм не идеален. Значит, идеальное общество – это нечто более сложное и далёкое. Коммунизм построить проще, чем идеальное общество. Но без коммунизма идеального общества не построить. Сам же коммунизм не построить без развитого научного социализма. Поэтому я – социалист. Я стою всего лишь на первой ступени построения идеального общества. Да, я уверен, что социализм – это первая ступень построения идеального общества. Ни капитализм, который всего лишь уничтожает сословия и даёт каждому юридически (не фактически) равные возможности в наживе за счёт других; ни феодализм, который является сословным обществом, ни тем более рабовладизм, не могут быть даже самыми нижними ступенями на пути к идеальному обществу, т.к. уже в самой их сущности изначально предполагается деление людей не только на бедных и богатых, но на сверхбедных и сверхбогатых. По сути, эти три экономические формации определяются только одним: наличием сверхбедных и сверхбогатых людей, первые из которых не могут себе позволить почти ничего, а вторые могут себе позволить почти всё. Это формации социальной несправедливости. Но справедливости биологической, животной, где побеждает сильнейший (естественно, не в смысле мускулов).

Первая экономическая формация, первая ступень на пути к идеальному обществу, – это социализм. Он может быть разным. Но если я встречаю человека, с пеной у рта кричащего о коммунизме, но не умеющего толково и аргументированно объяснить, что такое социализм, и как его построить, я понимаю, что передо мной не коммунист, а недалёкий популист. Таких много. Они напоминают мне людей, живущих в шалашах и кричащих о том, что каждый должен жить во дворце, но при этом не знают даже, как построить обычный уютный дом. Это, примерно, то же самое, как во время русской «перестройки» 90-х были крикуны, призывающие всё приватизировать, дать каждому по ваучеру, обещая, что так каждый станет богатым собственником. И ведь массы повелись на эту ложь. Каждый хотел стать богатым. Это самое бесчеловечное желание – стать богатым. Это желание не быть человеком. Потому что все социально-экономические проблемы общества исходят именно от таких людей. Каждый хочет стать богатым, поэтому мир погружён в нищету.

Оглавление

- Вступление в тему
- Небольшое социальное исследование по теме
- Проблема языка и понятий
- Критика ОВФ Энгельса со стороны филоистики
- Проблема понимания философии
- Как менялись представления о философии
- Идеалистические представления о главном вопросе философии
- Материалистическая история решения главного вопроса философии
- Основная проблема философии в работах Аристотеля
- Философия, мировоззрение, политика, идеология, педагогика
- Идея безусловного базового дохода – это идея халявы или необходимости?
- Некоторые рассуждения, читая Ленина
- Небольшие заметки, уточнения и факты по основной проблеме и главному вопросу философии
- Некоторые старые и новые аргументы
- Устами известных людей

Вступление в тему

Самая долгая война человечества – это война с невежеством и несправедливостью. Война эта идёт всегда. Битва не закончена даже тогда, когда одержана очередная победа. Если после победы вы собираетесь почивать на лаврах, а не готовиться к следующей битве, вы уже проиграли. Эта война никогда не заканчивается. И вы – в центре этой битвы. Каждый из вас. Единственное, что от вас требуется: выбрать сторону добра или зла. Похоже на «Матрицу», правда? Увы, это реальность, а не кино.

«Варварство никогда не бывает временным», сказал Альбер Камю. И сказал, совершенно верно. С варварством необходимо бороться. Не «можно», не «стоит», а – необходимо! Даже если вы бездействуете и устраняетесь от борьбы, вы всё равно вовлечены в эту войну. Отсидеться в тылу не получится, как это не получилось у Мартина Нимёллера (смотри эпиграф). Потому что у этой войны нет тыла. Спрятаться невозможно. Ведь передовые позиции фронта этой войны – ваши мозги.

Это – война философий! Война за умы, война добра со злом. Не многие понимают, что философия – самая опасная из наук, так как она влияет на умы людей и управляет их действиями. Ошибки и ложь философов стоят очень до-

рого, они разрушительнее ядерного оружия. Они, собственно, и приводят к ядерному оружию. Ведь применяется ядерное оружие только из-за ошибок философских систем. Тогда, когда эти системы становятся ложными, фиктивными, не ведущими к истине и человечности.

Эта часть книги посвящена основной проблеме философии и порождаемому этой проблемой – главному вопросу философии. По большому счету, эта книга является не только второй частью книги «Война философий», но и определенным продолжением книги «Главная ошибка марксистов – основной вопрос философии». Здесь мы снова будем рассуждать об основной проблеме философии, и её главном вопросе. О проблеме, которая касается не только каждого философа, но и каждого человека. Лучше понять эту книгу сможет тот, кто уже смог осмыслить книгу «Главная ошибка марксистов – основной вопрос философии». К сожалению, даже среди марксистов принимают её далеко не многие; на ортодоксальных марксистов она действует, как красная тряпка на корову.

В этой книге вы найдёте много повторов одних и тех же мыслей и идей у разных философов. Сделано это не с целью вызвать раздражение у читателей, хотя не исключаю и этой реакции, а с целью указать на всеобъемлемость данных идей, которые касаются основы философии, поэтому влияют на многие ракурсы её исследований.

Небольшое социальное исследование по теме

Вопрос на засыпку

На протяжении более чем десяти лет многим своим оппонентам при переписке я задавал один и тот же вопрос. «Что вы считаете самым главным в своей жизни, в жизни ваших близких, в жизни людей вообще, в жизни общества в целом, в жизни человечества?» Также я просил своих помощников и учеников ответить на этот вопрос, а также обязательно задавать его людям, с которыми они общались, для того, чтобы провести небольшое социальное исследование. Вполне естественно, что этот вопрос задавался людям разных возрастов и полов, разных религий, атеистам, философам, учёным, рабочим, безработным, студентам вузов, ученикам школ, людям разных социальных групп, разных наций, разных мировоззрений. Этот вопрос был даже задан нескольким программам ИИ.

Ниже будут в сжатом виде представлены ответы на этот вопрос. Но для того чтобы сверить правильность ответов нашего исследования со своими мыслями, вы тоже можете сей-

час задать этот же вопрос самим себе, и постараться вдумчиво и максимально честно на него ответить, прежде чем читать книгу дальше. Можете также задать этот вопрос своим родным и близким, друзьям, знакомым.

Итак, что вы считаете самым главным в своей жизни, в жизни ваших близких, в жизни людей вообще, в жизни всего общества и человечества?

Можно немного перефразировать этот вопрос, сделав его короче. Что, на ваш взгляд, является самым главным в жизни человека и общества?

Безусловно, этот вопрос волновал, волнует и будет волновать каждого человека, и каждый так или иначе вынужден отвечать на него. Попробуйте ответить и вы. Подумайте над этим не спеша и спокойно, опираясь на весь ваш жизненный опыт, на все ваши знания.

Подумали?

Постарались честно ответить на этот вопрос?

Уверен, что в своих ответах вы найдёте много общего с ответами нашего исследования, указанными ниже.

Небольшое отступление для отсылки к великим именам

Вопрос о том, что главное в жизни, безусловно, волновал великие умы на протяжении всей истории человечества, не проходили мимо этого вопроса ни философы, ни писатели, ни учёные, ни политики...

Давайте приведём несколько известных имён и посмотрим, что они отвечали на этот вопрос.

К примеру, известно, что Сократ считал главной для человека максиму: «познай самого себя!». Однако мы понимаем, что наш вопрос не совсем об этом. Ведь независимо от того, познал человек себя, или не познал, наш вопрос для него всё равно остаётся актуальным. Значит, этот вопрос более важен для человека. Конечно, понимал это и Сократ. Поэтому он также считал, что главное для человека – обретение счастья. Но и счастье Сократ понимал не как максиму индивида для самого себя, а как счастье всего общества.

Платона полагал, что главное для человека и общества – справедливость. Справедливостью он считал внутреннюю гармонию и порядок в душе каждого человека и в обществе в целом.

Аристотель тоже считал, что главное – это состояние счастья. Но не любого счастья, а того, которое достигается через

добродетельную жизнь.

Вспоминая стоиков, можно отметить, что они полагали главным – искать смысл в нравственности. А ведь нравственность, по сути, – это та же самая добродетельная жизнь.

Кант полагал, что главное для человека и общества – признание свободы личности и установление всеобщей свободы. Но считал, что личность – это высшая ценность, а цель общества – достижение безупречного морального состояния всего человечества.

Гегель считал, что главное для человека и общества заключается в обретении свободы и достижении состояния «всеобщего благосостояния».

Маркс утверждал, что главное для человека и общества неразрывно связано с материальными условиями жизни и классовой борьбой. Он показал, что развитие общества определяется не идеями или личностями, а материальными условиями жизни людей, и прежде всего, – способом производства.

Лев Толстой в одном из своих произведений пишет о том, что самое главное в жизни – делать добро людям, среди которых живёшь. Личное счастье невозможно без благополучия других. Иными словами, опять состояние общего счастья через добродетельную жизнь каждого.

Читатель без труда может пополнить этот список великих другими именами, но в подавляющем большинстве все их суждения по нашему вопросу будут сводиться к тем же фак-

торам: стремление к счастью и благоденствию, достижение которых возможно только через любовь и добродетельную жизнь. Даже разговоры о поиске смысла жизни, в общем и целом ведут к тем же самым умозаключениям.

Что об этом думает наука?

Выше уже указывалось, что и учёные не оставались в стороне от этого важного вопроса. А это значит, что можно проследить, как к этому вопросу относится наука. Например, некоторые научные исследования показывают, что наличие у человека смысла жизни благоприятно сказывается на его здоровье. Люди, нашедшие смысл жизни (или полагающие, что нашли его), гораздо меньше испытывали стресса и проблем со здоровьем в отличие от тех, кто считал свою жизнь или жизнь вообще – бессмысленной.

Безусловно, обретение смысла в жизни – важная составляющая счастья человека. Исследование, на основе которого учёные создали шкалу «субъективного счастья человека» показало, что 70% респондентов, считавших, что в их жизни есть смысл, назвали себя счастливыми людьми, а среди тех, кто не видел смысла в жизни, счастливыми считали себя только 30% респондентов.

Психология тоже указывает на стремление людей к самореализации, самоактуализации, ощущению ценности своего существования.

Известна также «пирамида потребностей» Абрахама Маслоу, американского психолога, основателя гуманистической психологии. Его пирамида показывает, что смысл жизни и

самореализация стоят на самой верхней ступени потребностей человека. То есть эти ступени представляют собой некое подобие личностного идеала человека. Но на первой и второй ступенях стоят потребности, без которых невозможно достичь верхней ступени. Первостепенные потребности. И тут уже вопрос о том, что более важно для человека, наполняется новыми смыслами.

Медицина, например, утверждает, что главное для жизни человека – это здоровье. Здоровье же в пирамиде Маслоу опять же относится к первичным потребностям. Естественно, что под здоровьем нужно понимать не только физическое, но и нравственное, и психическое здоровье, которые опять отсылают нас к смыслу жизни и счастью.

Биология говорит о передаче генов и выживании вида. Но выживание вида невозможно без обращения каждого индивида ко всему обществу. Биология как наука ясно показывает то, что более важен вид, а не индивид. Это значит, что счастье индивида должно согласовываться с благополучием всего вида. Другими словами, тут снова показывается, что достижение счастья возможно лишь через добродетельную жизнь, несущую благо, прежде всего, всему обществу, всему виду, и только потом – индивиду. Именно такая жизнь называется добродетельной.

Ответы опрашиваемых нами людей

Вот мы подошли к ответам людей, которые непосредственно принимали участие в нашем опросе на тему: «Что самое главное в жизни человека и общества?». Повторю, что в опросе принимали участие самые разные люди: учёные, философы, технари и гуманитарии, студенты, рабочие, пенсионеры и даже школьники. Естественно, нет никакой необходимости перечислять всех людей и их ответы, т.к. за несколько лет нам удалось опросить около пяти тысяч человек. Важно другое. Все респонденты отвечали примерно одно и то же. Это даёт понять, что в данном вопросе действительно есть определяющие величины, которые примерно одинаково понимаются всеми. Значит, эти величины и должны составлять основу проблемы человека и общества. Вы, конечно, уже догадались, какие примерно ответы давали люди.

Для краткости и удобства мы разделили ответы по группам. И знаете, какая группа была самая малочисленная? Эту группу составили люди, упоминавшие в ответе о боге. Все их ответы мы свели к одному, к котором утверждается:

- Главное в жизни – служение Христу, проповедь Евангелия.

Ясно, что так отвечали наиболее религиозные люди. Но

таких ответов было всего девятнадцать. Все в возрасте от среднего до пенсионного. Большинство – женщин. Плюс к этому встретилось несколько аналогичных ответов мусульман про Аллаха.

Все подобные ответы не верны, т.к. не отвечали на наш вопрос. Ведь если главное в жизни человека – служение богу, то тут же возникает другой вопрос: «для чего?». Зачем нужно это служение? И только после этого верующие начинают думать в нужном ключе; тогда выясняется, что это «служение» нужно для того, чтобы «найти смысл жизни, обрести счастье, стать более духовным, вести добродетельную жизнь». То есть, они приходят к тем же ответам, что и другие люди, не вспоминавшие богов.

Это значит, что главное – не служение богу, а именно то, для чего это служение делается. То, чего другие люди вполне могут достигнуть и самостоятельно, без посредника (бога). Во всяком случае, другие респонденты при ответе на наш вопрос о боге не вспоминали.

Также неудачными мы посчитали ответы, аналогичные следующим:

- Главное в жизни – сама жизнь.

- Главное для человека – это время. А как человек им распоряжается – личное дело каждого.

Таких ответов было больше, чем в указанной выше группе, но, всё же, не так много в общей массе. Мы насчитали 74 ответа.

Неправильны эти ответы по следующим причинам. Вопрос: «Что самое главное в жизни человека и общества?», требует ответа на вопрос о том, зачем эта жизнь нужна, в чём её смысл. Ответ: «в жизни главное – жизнь», – это ответ о наличии, а не о смысле наличия. Это равносильно заявлению, будто в сундуке главное то, что он сундук, а не то для чего он нужен. Ведь уже сам вопрос: «что главное в жизни» – говорит о том, что жизнь есть, она в наличии. Если её нет, то и вопрос исчезает, он не нужен. Значит, вопрос говорит не о её наличии жизни, а её смысле, цели, качестве. Поэтому ответ: «сама жизнь» – не отвечает на поставленный вопрос.

То же самое с понятием времени. У всех живущих людей время одинаковое: 24 часа в сутки. Этот дар жизни даётся природой всем без исключения. Поэтому глупо говорить о его наличии при его наличии. Оно есть у всех. Вопрос заключается в том, как оно должно быть потрачено, для чего, что является тем главным составляющим, которому оно должно быть посвящено в наибольшей степени. То есть, ответ: «главное – время» – тоже неудачен, т.к. не отвечает на поставленный вопрос: зачем оно, для чего?

Также к не очень удачными мы признали такие ответы:

- Главное в жизни человека – обрести её смысл и цель.

Ведь вопрос: «что главное в жизни человека?», в общем-то, и подразумевает ответы на вопрос: «каков смысл и какова цель жизни?». Потому что даже если все люди (каждый человек) найдут смысл и цель в жизни, мы всё равно не

ответим на вопрос «Что главное в жизни человека и общества?», пока не узнаем, какая цель, какой смысл – главные.

Не очень удачными были признаны и ответы наподобие следующего:

- Жизнь человека можно разделить на четыре «сферы»: благосостояние, здоровье, отношения, саморазвитие. Каждая важна и каждой стоит уделять внимание.

В определённом смысле это деление напоминает пирамиду Маслоу. Понятно, что для человека важно здоровье, благосостояние, развитие. Но вопрос о том, что главное в жизни, а не о том, на какие «сферы» можно разделить жизнь, или о том, что важно – всё.

На втором месте по многочисленности были такие ответы:

- Смысл жизнь в том, чтобы душа трудилась – чтение умных книг, развитие, творчество, интерес к жизни, к людям, к родине, к другим странам.

- Самое главное – быть в гармонии со своей совестью и душой. Делать то, что приносит радость вам и окружающим, не угождать чьим-то ожиданиям и прихотям в ущерб себе.

- Для человека самое главное в жизни – оставаться верным себе, своим мечтам, стремлениям.

- Самое важное в жизни человека – быть нужным и любимым.

- Самое главное в жизни – уметь быть счастливым и делиться этим счастьем с другими.

- Нет человека, который не хотел бы быть богатым, здо-

ровым, хорошо общаться с окружающими людьми и в чём-то реализовать себя.

Объединяет эти ответы то, что в первую очередь респонденты думают о себе, об индивиде, но забывают об обществе, которое тоже присутствовало в вопросе. Оправданием тут может служить объяснение, которое давали люди: мол, если счастлив каждый индивид, то счастливо и всё общество. Объяснение понятное, но слабое. Потому что если каждый в первую очередь думает о себе и своём счастье, то вряд ли каждый сможет быть счастлив, а уж тем более – всё общество. Да и вообще, может ли быть счастлив каждый? Если счастье у каждого своё и у всех разное, то как добиться «индивидуального», «особого» счастья для каждого? А если счастье для всех одно, одинаковое, то каково оно?

На том основании, что здесь на первое место ставится личное счастье, данная установка более всего подходит к молодым людям, или людям, не обременённым заботами о других, а также – к эгоцентричному обществу, например, к обществу капитализма. Хотя многие и упоминали о том, чтобы «приносить радость окружающим», «делиться счастьем с другими» и тому подобным общественным действиям, что привносить в установку определённое социальное направление.

На первом месте по многочисленности (т.е. подавляющее большинство респондентов) были такие ответы:

- Самое главное в жизни – семья и родные! Смысл жизни

– создать хорошую семью, воспитать замечательных детей.

- Самое главное в жизни человека – это любовь. Любовь к близким, к людям, к окружающему миру.

- Главное в жизни, чтобы была любящая сплочённая семья и верные друзья.

В общем и целом ответы были однотипны, поэтому мы выбрали наиболее повторяемые. Здесь на первое место ставится семья, родственники, близкие и друзья. Упоминаются также люди вообще, что можно как-то отнести к обществу в целом. То есть, здесь мы уже видим наиболее взрослые и осмысленные ответы, людей, наделённых жизненным опытом, понимающих, что кроме них самих есть люди, которым необходимо их внимание и заботы: семья, родня, друзья, близкие. Иногда упоминались и люди вообще, общество. Это уже не назвать эгоцентричным мышлением, но всё же преимущество здесь отдаётся семейности, клановости, что тоже характерно для докапиталистических и капиталистических обществ.

На третьем месте по многочисленности стоят следующие ответы:

- Главное – это путь к осмысленной и наполненной жизни, которая выражается в служении людям: помощь слабым, больным, страждущим. Это наполняет душу глубоким удовлетворением.

- Главное в жизни человека – стремиться сделать жизнь вокруг и общество, в котором живёшь, благоприятными для

всех.

- Оставить после себя созидающую энергию жизни.

Здесь мы видим, что на первое место ставиться не личность и личное счастье, не семья и друзья, а общество в целом, будущее этого общества. Такие ответы представляют уже более осознанное отношение к жизни, более социальное, близкое к социалистической идеологии и коммунистическому пониманию общества.

Выводы мы будем делать ниже, и ещё не раз вернёмся к этому опросу, а пока просто примите к сведению то, как отвечали люди на наш вопрос.

Ответ от ИИ

Также мы задавали наш вопрос некоторым бесплатным программам ИИ, представленным в России, в том числе Нейро, Алисе AI, Максе и т.п. Из ответов мы выбрали наиболее часто повторяющиеся пункты. Вот они:

«Вопрос о главных ценностях в жизни человека и общества является одним из фундаментальных философских вопросов. На него нет единственно верного ответа, поскольку ценности могут различаться в зависимости от культуры, эпохи и личных убеждений. Однако можно выделить несколько ключевых аспектов, которые важны для большинства людей:

- Здоровье и благополучие. Физическое и психическое здоровье – основа полноценной жизни. Без него сложно реализовать другие жизненные цели.

- Любовь и отношения. Семья, друзья, близкие люди создают эмоциональную поддержку и чувство принадлежности. Человеку важно чувствовать себя любимым и нужным.

- Самореализация. Возможность заниматься любимым делом, развиваться профессионально и личностно, достигать поставленных целей.

- Духовные ценности. Вера, моральные принципы, этические нормы помогают найти смысл жизни и определить свои приоритеты.

- Социальная гармония. Мирное сосуществование, взаимоуважение, сотрудничество между людьми создают основу здорового общества.

- Знания и образование. Постоянное обучение и развитие помогают адаптироваться к изменениям и достигать успеха.

- Свобода и права. Возможность самостоятельно принимать решения и защищать свои интересы – фундаментальная ценность современного общества.

Важно понимать, что все эти аспекты взаимосвязаны и дополняют друг друга. Невозможно выделить что-то одно как абсолютно главное, так как жизнь человека многогранна и включает в себя множество важных составляющих. Каждый человек может расставить приоритеты по-своему, но именно баланс между различными ценностями часто приводит к полноценной и счастливой жизни».

Это немного напоминает пирамиду Маслоу: перечисление всего ценного. Но разница в том, что у Маслоу выстроена чёткая иерархия потребностей, а не простое перечисление. И это даёт понять, что именно нужно относить к наиболее важному и ценному, а что – к второстепенному. Простое перечисление не выделяет иерархию.

Отметим также то, что современные системы ИИ ещё не способны производить строгий научный анализ социальных парадигм, т.к. в большинстве случаев анализируют только количественные показатели, игнорируя ценностные аспекты информации, что часто приводит к ошибочным выводам. Из

всего массива обрабатываемой информации, большая часть которой состоит не из научных фактов, а из распространённых мнений и мифов, ИИ не отдаёт предпочтение научным фактам, нередко рассматривая их как равноценную альтернативу ненаучной информации. Куда более достоверны ответы ИИ на узкопрофильные научные вопросы, где требуются работа ИИ как справочной системы.

Предварительные выводы исследования

Здесь читатель должен сначала сверить свой личный ответ на вопрос нашего исследования с теми ответами, которые представлены выше? Есть совпадения? Уверен, что есть.

А теперь покажем, к каким выводам в этом исследовании пришли мы.

Первый вывод. Если все ответы на вопрос нашего небольшого социологического исследования объединить и выразить в двух словах, то можно заключить, что главное для каждого отдельного человека, всего общества и человечества в целом – это благополучие и развитие. Понятие благополучия тут объединяет и физические, и материальные, и духовные аспекты жизни человека, общества и человечества в целом. Ясно, что без развития благополучия достигнуть невозможно.

Второй вывод. Все представленные ответы можно разделить на три основных группы.

1). Достижение благополучия через личностное самосовершенствование по всем направлениям (физическое здоровье, материальное обеспечение, духовное развитие). Здесь утверждается приоритет личности, индивида, т.е. – частного, единицы.

2). Достижение благополучия через себя, семью, близких, друзей. Здесь утверждается приоритет ячейки общества, семейственности, клановости, т.е. – части, группы.

3). Достижение благополучия через всё общество. Здесь утверждается приоритет общества в целом, т.е. – целого, всей системы.

Третий вывод. Никто из опрашиваемых респондентов (ни религиозные верующие, ни атеисты-материалисты, ни философы, никто вообще) даже не вспомнил об энгельсовском «основном вопросе философии». Никто не упомянул об этом в своих ответах. В том числе не указали на это словари, энциклопедии (типа Википедии) и текстовые программы ИИ.

Окончательный вывод исследования

Исследование подтвердило теорию филоистики об основной проблеме философии и главном её вопросе. Также исследование в очередной раз показало ошибку Энгельса относительно «основного вопроса философии», и ошибку тех марксистов, которые считают утверждение Энгельса верным.

Напомню, что в своей работе «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии» Фридрих Энгельс заявляет: «Великий основной вопрос всей, в особенности новейшей, философии есть вопрос об отношении мышления к бытию».

С тех пор многие марксисты стали полагать, что вопрос об отношении мышления к бытию и есть действительный основной вопрос философии. Тут над марксистами сыграла злую шутку проблема авторитета. С подачи Энгельса, марксисты даже стали путать понятия «проблема» и «вопрос», «основа» и «приоритет» или «главенство», что будет показано в следующей главе.

Обосновывая своё утверждение об «основном вопросе философии», Энгельс апеллировал к тому, что люди якобы задумывались об этом издревле. Он пишет:

«Уже с того весьма отдаленного времени, когда люди, еще

не имея никакого понятия о строении своего тела и не умея объяснить сновидений, пришли к тому представлению, что их мышление и ощущения есть деятельность не их тела, а какой-то особой души, обитающей в этом теле и покидающей его при смерти, – уже с этого времени они должны были задумываться об отношении этой души к внешнему миру».

Энгельс и многие марксисты полагают, что этого аргумента вполне достаточно для того, чтобы вопрос отношения бытия и сознания объявить основным для философии. На самом деле это роковая ошибка, которая принесла философии больше вреда, чем пользы, особенно – научной философии, да и самому марксизму.

Ниже я постараюсь подробно рассмотреть, в чём именно ошибся Энгельс и в чём он был прав. Отчасти этому и посвящена данная книга. Но в большей степени она посвящена не энгельсовской, а действительной основной проблеме философии и её главному вопросу.

Как вы, конечно, уже поняли, филоистика ясно показывает: основная проблема философии как таковой, то есть, всей философии (и ненаучной, и научной) – это **невозможность построения идеального общества**. Из этой проблемы возникает и главный вопрос всей философии – «**как построить идеальное общество?**». Можно, как в религиях, назвать это общество – раем; можно как в марксизме – коммунизмом; можно просто – идеальным обществом. А ещё лучше назвать это – обществом разумных людей. Дума-

ется, последний вариант более подходит. Как назвать такое общество – это уже другой вопрос. Он будет решаться по мере решения главного вопроса.

Но, как указано выше, путаница начинается уже в терминологии, то есть уже в категориальном аппарате данного вопроса. Итак, давайте сначала разберёмся, что и как правильнее называть. А потом уже перейдём к обсуждению позиции Энгельса и марксистов, и к обсуждению самой проблемы.

Проблема языка и понятий

Во многих своих работах я указываю на проблему авторитета, в которой указывается, что авторитет чаще вредит философам в осмыслении действительности, чем помогает это делать. К сожалению, это случилось и в вопросе об «основной проблеме философии» (по Энгельсу – «основной вопрос философии», что неверно).

Филоисика указывает, что уже в терминологии «проблема авторитета» принесла своё негативное влияние. Поэтому, прежде чем рассуждать об основной проблеме философии и главном её вопросе, сначала нужно разобраться в той путанице, которая царит у философов в понятиях.

Многие философы утверждают, что философия единственная из наук, которая разрабатывает категории, формируя категориальный аппарат. Но, к сожалению, сами философы нередко довольно фривольно относятся к категориям, терминам и понятиям, позволяя себе использовать их не только неточно, но и неверно. Естественно, что это приводит к непониманию и ошибкам.

Рассматривая проблему «основного вопроса философии» (ОВФ) – устоявшееся сегодня в философии словосочетание, – философы до сих пор не обращают внимания на то, что данное словосочетание не корректное.

В первую очередь обратим внимание на разницу понятий «проблема» и «вопрос». Безусловно, в некотором смысле и при определённых обстоятельствах понятия «проблема» и «вопрос» могут взаимозаменяться, например, выступать синонимами, также синонимом к ним может выступать слово «задача», «трудность» и т.п. Особенно, когда замена этих понятий не влияет на суть и смысл обсуждаемой темы. Но в принципиальных вопросах лучше избегать этого.

Что такое «проблема»?

Проблема – это всегда реальное затруднение, существующее объективно, независимо от желания и понимания человека. Это сложное положение, сложная ситуация, которую трудно, очень трудно, почти невозможно, или даже в принципе невозможно разрешить.

Некоторые источники указывают:

«Философская проблема – это знание о незнании и некоторое предположение о неизвестном, подлежащем раскрытию. Совокупность философских проблем, формирующихся на основе обыденного и исторического, индивидуального и общечеловеческого опыта, знания и практики, – это содержание философии».

Во втором предложении этой цитаты слово «знание» нужно рассматривать, в том числе, и как знание о незнании, о чем говорится в первом предложении. Иначе получится, что философские проблемы – это только то, что известно.

На самом деле в философии проблема – это отсутствие точного знания по какому-либо актуальному вопросу. Заметьте: «актуальному» вопросу! То самое знание о незнании. Решённые же проблемы из философии, как правило, переходят в области наук, т.к. науки – это специализированный продукт философии. В самой философии, как отдельной на-

учной отрасли, проблемы остаются лишь в качестве примеров (областей) для изучения и возможного уточнения, для расширения знания в целом.

Так как проблема всегда объективна, т.е. не зависит от желания человека, то она всегда первична по отношению к понятию «вопрос». Собственно, проблема и порождает вопрос. Это важно понимать.

Что такое «вопрос»?

Вопрос – это осознание наличия проблемы и желание разрешения этой проблемы. Как указывают некоторые словари:

«Вопрос – это философская категория, форма мысли, побуждающая к ответу, в которой выражается просьба дополнить имеющуюся информацию с целью устранения или уменьшения познавательной неопределенности».

По сути, «познавательная неопределённость» тут олицетворяет проблему, требующую решения.

Из этого следует, что вопрос не может возникнуть до проблемы. Вопросы всегда возникают только тогда, когда возникает осознание наличия проблемы. Никак иначе. **Проблема всегда первична. Проблема всегда объективна.** Только тогда, когда осознаётся проблема, формируется вопрос, который определяет задачу по разрешению данной проблемы. **Вопрос всегда вторичен по отношению к проблеме. Как бытиё определяет сознание, так и проблема определяет вопрос**. Не наоборот. В данном случае проблема выступает бытиём, т.к. она объективна, не зависит от человека, а вопрос выступает сознанием, т.к. формируется человеком, осознавшим проблему.

Проблема всегда как бы естественна, а вопрос всегда искусственен, идеалистичен, потому что проблема возникает

для индивида как бы сама собой, без его желания, а вот вопрос по решению проблемы ставит сам индивид. И ставит он его только после того, как осознает наличие проблемы. Поэтому, если сама проблема плохо понята индивидом, вопросы по её разрешению могут не соответствовать возникшей проблеме.

Возникновение проблем и вопросов

Некоторые мои критики заявляют, что существуют ведь и надуманные проблемы, или вообще созданные искусственно, то есть не естественные, а искусственные проблемы. Конечно, это так. Условно проблемы можно разделить на две большие группы: естественные и искусственные. Но, повторяю, – условно.

Понятно, что естественное возникает как бы само собой, а искусственное создаётся искусственно. Поэтому кажется, что к естественным проблемам относятся те из них, которые создаются самой природой, а к искусственным – те, которые создаются людьми. Например, к первым можно отнести: разгул стихии, разные катастрофы, голод от неурожая, болезни, природных паразитов-вредителей и пр. Ко вторым: войну, нищету, безработицу загрязнение среды, преступность и т.п. Верно? Вроде бы да. Но есть нюансы. И нюансы эти довольно значительны. Приведу несколько примеров.

- На людей чаще стали нападать хищники. Это естественная или искусственная проблема? Кажется, естественная, ведь речь о диких животных, о природе. А если проблема в том, что люди серьёзно нарушили среду обирания животных, и последним нечем стало питаться, поэтому они стали нападать на людей? Тогда, кажется, что проблема создана ис-

кусственно, ведь её создали люди. Но если люди знать не знали, что так получится и не хотели этого, то к какой категории отнести проблему? Она как бы искусственна, но люди не хотели её создавать, это вышло оттого, что люди просто были ещё недостаточно развиты умственно. Тогда разве сами люди в этом виноваты? Ведь человечество вытесняет животных с их мест обитания на протяжении всей истории. Мало того, так поступают не только люди, но все животные: сильные и многочисленные вытесняют слабых и малочисленных. Тогда искусственна это проблема, или естественна?

- Когда-то медицина была плохо развита, и умирало много младенцев, рожениц, стариков, люди редко доживали до 60 лет. Естественная это проблема или искусственная? С одной стороны кажется, что развитие наук – естественный процесс и люди не могли сразу создать хорошую медицину. Значит, проблема естественна. С другой стороны, религия активно мешала развитию наук, в частности медицине. В этом ракурсе проблема кажется искусственной. Так искусственная это проблема, или естественна?

- В регионе случился голод из-за неурожая, который произошёл из-за засухи. Кажется, проблема естественна, т.к. она произошла из-за погодных условий. Но разве люди не могли подготовиться заранее, просто на всякий подобный случай сделав больше запасов, не надеяться только на урожай? Конечно, могли. И избежали бы голода. Они просто отнеслись к этому беспечно. Ведь они знали, что бывают засухи и

неурожаи. Почему бы не быть готовыми к этому каждый год? Тогда кто виноват в проблеме? Она искусственна или естественна? А если кто-то знал о предстоящей засухе, то виноват ли он в том, что наступил голод? Ведь он мог предупредить людей, чтобы они подготовились. Кстати, в моей статье «За что убили папу Сабиниана» как раз ярко показан такой пример: вина за голод и рабство в Египте ложится на Иосифа, который знал заранее, что будет засуха, но использовал свои знания не для народа, а против него. Так искусственная это проблема, или естественна?

Таких примеров можно привести сколько угодно. Но, чтобы быть объективным, тут нужно понимать одну тонкость. Речь о восприятии и понимании проблемы.

Зададимся вопросом: «Для кого возникшая проблема считается проблемой?». Ответ вполне очевиден: проблема считается проблемой только для того, для кого она вызывает затруднение. Ведь если для вас что-то не вызывает никаких затруднений, то и проблемой это считать было бы странно. Даже искусственно созданная проблема может быть вполне естественной для того, кого она непосредственно коснулась, так как он не знает о причинах её происхождения и вынужден бороться с ней самым естественным образом, как с естественной и реальной. Опять приведу примеры:

- Если кто-то специально свалил дерево на дорогу перед вашей машиной, то для него сваленное дерево – не проблема, а для вас – проблема. Причём, независящая от вас. Зна-

чит, для вас она как бы естественна, даже если вы понимаете, что это сделано специально. А уж тем более, – если вы думаете, что дерево упало само, от старости, например. Проблема-то всё равно реальная.

- Или, например, искусственно создаваемый кризис является вполне естественной проблемой для тех, кто вынужден с ним бороться. Ведь все считают вполне естественным то, что в любой экономике хотя бы иногда случаются кризисы. При этом мы знаем, что кризисы бывают и по естественным (например, разгул стихии), и по искусственным причинам (например, коррупция, организация войны). Но сам кризис всегда предстаёт как реальная, объективная, а значит и вполне естественная проблема для тех, кто от него страдает. А для тех, кто на этом наживается, это даже проблемой не является.

- Если человека ударили ножом и ранили, то мы понимаем, что создал эту проблему тот, кто ударил. Но, не смотря на это, для раненого человека всё равно возникла вполне реальная, объективная и естественная проблема по спасению жизни и восстановлению здоровья.

- Даже если проблема надуманна (то есть, проблема, которой нет в реальности), то всё равно для того, у кого она вызывает затруднения, она реальна и объективна, то есть присутствует как бы естественным образом. Он всё равно вынужден её решать, бороться с ней. Например, если человек боится чего-то такого, чего в действительности не существу-

ет. То есть, в действительности проблемы нет. Но сам страх проблемы вполне реален, он существует, он вызывает у человека определённые затруднения. Поэтому для него и сама проблема как бы естественна, реальна, он вынужден её решать. Просто он не понимает её причину.

- Даже если солипсист думает, что нет ничего объективного и естественного, а весь мир – это лишь его представления. То и в этом случае возникшая перед ним какая-либо проблема для него – вполне реальна, т.к. он должен её решать, а значит, она для него существует объективно, она естественна (в том плане, что она сама возникла, даже если она возникла только в его мозгу).

Ведь, если человек понимает, что проблема надумана, а на самом деле её нет, то для него это уже не проблема, и решать её он не будет, или решит довольно легко. Это, кстати, полностью опровергает теорию солипсизма, т.к. им придётся признать, что все их проблемы (долги, бедность, голод, боли, болезни, смерть близких и пр.) просто выдуманы ими самими же. Но если они это понимают и утверждают, то зачем борются со своими выдуманными проблемами? Зачем, например, ходить на работу, когда можно просто представить, что ты богат? Зачем есть, когда можно просто представить, что ты сыт? Ведь солипсисты утверждают, что весь мир – это всего лишь их мысли. Однако на деле они опровергают сами себя. Впрочем, это уже другая тема.

В данных примерах объективна и естественна (потому что

реальна) сама проблема, независимо от искусственного характера её возникновения. Нужно только понять, что речь идёт не о причине проблемы, а о самой проблеме как таковой, о её реальности и актуальности.

- Даже тот, кто создал проблему искусственно и осмысленно, вполне может сам угодить от этого в неприятность и неожиданно приобрести проблему для себя. Тут работает поговорка: не рой другому яму. Хотя такой человек и понимает, что сам создал проблему, но когда она коснулась его лично, для него она уже стала реальной, объективной и естественной, хотя и созданной искусственно им самим.

Поэтому для того, на кого направлена проблема (кого она лично затрагивает), она всегда реальна, объективна и естественна, т.к. возникает не по желанию самого индивида, как бы независящим от него образом; она объективна и реальна, потому что требует решения. Напомню, что речь тут не о причине проблемы, а о самой проблеме, которая «вдруг» возникла.

Вопрос же по решению проблемы всегда искусственен, и формулируется он только тогда, когда возникает и осознаётся сама проблема. Ведь ставит этот вопрос всегда индивид, тот, кто заинтересован в решении проблемы. Поэтому проблема всегда естественна и первична, а вопрос искусственен и вторичен. Хотя, если, как утверждается, не бывает правил без исключений, то и из этих правил, видимо, есть какие-то исключения. Но ведь исключения только подтверждают пра-

вила!

Главный или основной?

Теперь давайте поразмышляем над смыслами и значениями терминов: «основной» и «главный». Конечно, эти слова, в общем и целом, тоже могут выступать синонимами и взаимно заменяться, если не предъявлять к ним твёрдых категориальных требований. Но в определённых ситуациях разница их значений всё-таки вполне существенна.

Термин – «основной» – более подходит для указания объективного явления, т.к. исходит из понятий «основание» и «основа». То, что не относится к частности и субъективности. То, что присутствует либо в самой природе явления, его основе, либо в основе теоретического построения.

Термин же «главный» имеет как бы антропный характер, искусственность, то, что назначено главным, назначено главенствовать, то, что считают главным люди.

Исходя из этого, на мой взгляд, было бы более правильно говорить об «основной проблеме философии», т.к. проблема первична, естественна, объективна и она является основой возникновения вопроса; и о «главном вопросе философии», т.к. вопросы ставят и решают люди, они и решают, какой из вопросов нужно считать главным. Думается, что так было бы правильнее, если серьёзно подходить к категориальному аппарату научной философии.

Понятно, что исторически словосочетание «основной вопрос философии» закрепилось в языке, а термины «основной» и «главный», или «проблема» и «вопрос» при определённых условиях можно считать синонимами, и, кажется, нет смысла что-то менять. Тем более что, говоря об ОВФ, мы, как правило, имеем ввиду сразу и проблему, и вопрос одновременно. Но всё же, чтобы не путать смысл самих понятий, самих категорий, чтобы понимать, что есть проблема и что есть вопрос, стоит всё-таки различать указанные выше тонкости характеристик этих понятий, видеть разницу между ними. Это поможет правильно определять проблему и правильно поставить вопрос по её решению; поможет понять, что лежит в основе и что главное для решения возникшей проблемы.

Не понимая разницы, но интуитивно осознавая, что должна быть какая-то основа, и должно быть что-то главное, человек называет основным то, что соответствует его разумению, а не самой основе. Естественно, что основное у него оказывается не там, где оно находится в действительности. И вопрос по решению проблемы тогда ставится тоже неверно. Вот такую ошибку и делают многие философы, рассуждая об «основном вопросе философии», вместо того, чтобы говорить об основной проблеме самой философии и главном вопросе философов по разрешению этой проблемы.

Такую ошибку сделали Энгельс и марксисты.

Конечно, русский язык широк и могуч, чаще всего, мы

всё равно понимаем, что должно подразумеваться даже под неправильным употреблением слов. Но разве философ не должен быть точен в формулировках, или хотя бы стремиться к этому? Иначе философ не имеет права говорить о категориях и понятиях.

Критика ОВФ Энгельса со стороны филоистики

Как вы уже поняли, Энгельс (марксисты) с одной стороны, и филоистика как атеистическая научная философия с другой стороны – имеют разные представления об основной проблеме философии и главном её вопросе. Давайте разберём, чей взгляд здесь более верен, и какие претензии филоистика предъявляет Энгельсу.

1. Размытость понятий

Первое, это претензия филоистики к самой формулировке Энгельса: «основной вопрос философии».

Выше уже было показано, что основной должна быть проблема, а не вопрос. Потому что в основе всегда лежит проблема, которая вынуждает ставить вопросы по её решению. Проблема всегда первична и объективна. Иначе возникает вопрос о том, реальна ли она.

У Энгельса же основным назван вопрос, а не проблема. То есть уже в основу Энгельс ставит не проблему, которая первична и объективна, а вопрос, который вторичен и субъективен сам по себе.

Кроме того, мы понимаем, что для решения какой-либо проблемы может быть поставлено несколько вопросов. Среди них обязательно должен быть главный, который формулирует всю осмысленную проблему и определяет остальные вопросы по степени важности. Поэтому самый важный вопрос по решению проблемы правильнее называть «главным».

Известно, у Энгельса «основной вопрос философии» имеет два вопроса. Даже на слух воспринимается странно: основной вопрос делится на два вопроса. Они что, оба главные? Или оба – основные, если пользоваться терминологией Энгельса? Тут марксистами ставятся такие два вопроса: «что

первично: материя или сознание?» и «познаваем ли мир?».

Но сначала здесь было бы резонно спросить. Если Энгельс указывает на «основной вопрос философии», то какова проблема, вызывающая этот вопрос? А если этих вопросов два, то их вызывают две разные проблемы, или одна? Если две, то как их сформулировать? Если одна, то какой вопрос главный, а какой – второстепенный?

Энгельс в указанной выше статье всё-таки формулирует проблему, на основе которой он ставит свой «основной вопрос философии». Но указанная им проблема не является для философии основной, и вопрос, поставленный им, не является для философии главным. Ниже это будет подтверждено аргументами, примерами и фактами.

А пока отметим, что, даже формулируя вопросы по этой теме, Энгельс и его последователи не очень-то задумывались о понятиях и категориях, о самих формулировках, что и привело их самих к ошибкам в главном: в понимании самой проблемы.

2. Как Энгельс подставил марксистов

Самое странное то, что марксисты клюнули на слова Энгельса и, не особо задумываясь, видимо полагаясь только на авторитет (проблема авторитета!), стали бездумно повторять за ним, что «вопрос об отношении мышления к бытию» – это действительно «великий основной вопрос всей, в особенности новейшей, философии».

Но почему-то никто из марксистов не обращает внимания на то, что, ни Маркс, ни его самый яркий последователь – Ленин, не называли вопрос «отношения мышления к бытию» «основным вопросом всей философии»? Неужели они понимали эту проблему хуже Энгельса?

А действительно ли вопрос Энгельса относится к марксизму? Давайте разберёмся, где тут марксизм, а где энгельсизм.

Зададимся такими вопросами: «Что главное в марксизме?», «Что нового открыл Маркс для мировой философии?», «Почему марксизм так сильно повлиял на весь мир?».

Уверен, что марксисты без труда смогут ответить на эти вопросы.

Первое и самое главное, что характеризует марксизм, это постулат: «бытиё определяет сознание». Без этого по-

стулата нет марксизма. По сути, весь марксизм держится на нём. Маркс ставил своей задачей не сочинить какое-то личное философское учение, а создать именно научную теорию, где бы постулаты и максимы опирались не на личные представления, а на факты, на саму природу. Поэтому постулат «бытиё определяет сознание» неопровержим не потому, что так сказал Маркс, а потому что этот постулат подтверждён фактами, историей, природой, он научен, что делает научным и марксизм. Да и Энгельс не спорит с этим постулатом. В марксистской концепции бытиё – это всё материальное, окружающее человека, и сам человек как материальный объект. Например: индивид, его семья, друзья, природа, общество, в котором он живёт, и в котором на человека влияют экономика, политика, идеология, культура и т.п. А сознание – это мысли: эмоции, ценностные оценки, взгляды на мир, мировоззрение, субъективная реальность, которую человек создаёт в своём воображении.

Второе. Впервые фраза Маркса о том, что бытиё определяет сознание, встречается в предисловии к его работе «К критике политической экономии» (1859). Маркс и Энгельс разрабатывают новый научно-философский подход к осмыслению действительности, который стал один из ключевых принципов марксизма – исторический диалектический материализм. Полностью фраза Маркса выглядит так: «Способ производства материальной жизни обусловливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще. Не

сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание». Ведь прежде чем задумываться о высоком и духовном, человек должен сначала элементарно выжить и более-менее сносно обустроить свою жизнь: обеспечить себе продовольствие, кров, защиту от врагов. Тут вспоминаем пирамиду потребностей Маслоу, и наш опрос о том, что для человека важней всего. Маркс, пожалуй, впервые в истории философии научно доказывает, что человека и человечество развивает экономика, поэтому она является базисом. Значит, самый важный фактор развития общества – это развитие экономики. На этом стоит вся материалистическая философия, в том числе и марксистская. Энгельс неоднократно указывал, что Маркс открыл закон развития человеческой истории: производство материальных средств к жизни образует основу, из которой развиваются государственные учреждения, правовые воззрения, философия, наука, искусство и религиозные представления людей. То есть, Энгельс тоже разделял эту точку зрения.

Третье. Маркс чётко определяет такие понятия общественного развития как базис и надстройка. Базис – это экономика (экономическое развитие, развитие производительных сил и производственных отношений, материальное развитие в целом). А надстройка – это развитие идеологии и культуры в целом (куда входят идеи, законы, мировоззрение, философия, наука; а также такие антикультурные образования как преступность, в том числе религия). Так вот именно

базис определяет и формирует надстройку, как условия жизни определяют мышление. Базис здесь – бытиё, а надстройка – сознание. Бытиё определяет сознание. Базис – это экономическая основа общества. Базис всегда первичен, как первично бытиё. А надстройка – это совокупность всех неэкономических сфер общества, которые строятся на основе базиса и служат его обслуживанию (хорошему или плохому), развитию или деградации. Надстройка всегда вторична. Энгельс отмечал, что учение об общественно-экономических формациях – это великое научное открытие в философии и общественных науках, имеющее для истории такое же значение, как в естествознании – закон превращения энергии. Без всего этого марксизм, да и научную философию в целом, представить невозможно. Весь марксизм строиться на том, что не желание и мысли человека определяют его жизнь и общественное развитие (экономику), а наоборот, его жизнь (бытиё) и экономика определяют желания и мысли человека.

Четвёртое. Даже из этого чрезвычайно сжатого и краткого обобщения марксизма становится ясно, что для научной философии важнейшим направлением является осмысление базиса, экономики. И ведь с этим тоже не спорит Энгельс. Весь марксизм – это научно-теоретическое осмысление экономической перестройки общества для создания наиболее справедливого, идеального общества, для создания коммунизма. Почему? Да потому что именно это как раз и есть основная проблема философии (проблема неустроенности бы-

тия!), порождающая главный вопрос философии – как построить идеальное общество! Но этого Энгельс, к сожалению, так и не понял, что удивительно. А что ещё более удивительно, так это то, что этого не понял и Маркс. Потому что и Энгельс, и Маркс представляли себе философию лишь в том понимании, в каком она преподносилась идеалистами того времени. Поэтому Маркс практически нигде не называет свою теорию философией. Поэтому и Энгельс видит главный вопрос философии (который он называет основным) не там, где он есть на самом деле. Они оба, к сожалению, смотрели на философию во многом глазами Гегеля. Просто потому, что тот был в авторитете (опять проблема авторитета) в то время.

В итоге – провал Энгельса и марксизма! В результате непонимания философии у Энгельса возникает какое-то помутнение рассудка. И всего через три года после смерти Маркса Энгельс вдруг делает разворот от марксизма в другую сторону. Поэтому в своей работе «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии» он заявляет: «Великий вопрос всей, в особенности новейшей философии есть вопрос об отношении мышления к бытию».

Если марксисты до сих пор не поняли, что это значит, – я поясню. Это значит, что Энгельс ставить крест на всём учении Маркса! Ведь Маркс уверенно заявляет и доказывает на фактах истории, что бытиё определяет сознание. Никак иначе. Энгельс сам был с ним согласен в этом, как видим выше.

Но теперь Энгельс будто бы пишет: «Стоп, стоп! На самом деле мы ещё не знаем, как соотносится бытиё и сознание. Это всё ещё великий вопрос всей философии, то есть – ещё не решённый вопрос!» Вот что получается!

Ведь что такое «философский вопрос»? Это вопрос, окончательное решение которого ещё не найдено. Решённый вопрос перестаёт быть философским, он становится научным. Вот и получается, что Энгельс одним своим «великим и основным вопросом философии» перечеркнул все достижения Маркса и научной философии, перечеркнул весь марксизм.

Маркс утверждал и доказывал на примерах истории, что только экономика развивает человека и человечество. Именно она выступает бытиём и базисом для общества. Прежде чем думать о духовном и моральном, человек должен сначала решить вопросы выживания, бытовые вопросы, вопросы развития. Маркс утверждает: «Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание». И Энгельс не оспаривает этого тезиса, наоборот, он соглашается с ним.

Но потом Энгельс заявляет, что издревле люди думали вовсе не об экономике: «Уже с того весьма отдаленного времени, когда люди, еще не имея никакого понятия о строении своего тела и не умея объяснить сновидений, пришли к тому представлению, что их мышление и ощущения есть деятельность не их тела, а какой-то особой души, обитающей в этом

теле и покидающей его при смерти, – уже с этого времени они должны были задумываться об отношении этой души к внешнему миру».

Вот, мол, он, – основной вопрос философии: «что первично, материя или сознание!». Да и вообще: «познаваем ли мир?». Может, он и не познаваем вовсе. То есть, мы видим, что тут Энгельс сводит на нет все достижения марксизма, все его постулаты. Людей, оказывается, не экономика вовсе интересовала, а совсем другие вопросы, мысли о чём-то высоком. Это притом, что на протяжении всей истории люди в подавляющей массе в основном были бедны и голодны.

Маркс доказывает, что экономика – это базис (общественное бытиё), а сознание – это надстройка, состоящая из идей, идеологий, мировоззрений, философий. И что именно базис определяет надстройку. С этим ведь соглашался Энгельс. И наш опрос, который мы разместили вначале, подтверждает правоту Маркса в том, что люди всегда в первую очередь думали не о сознании и его первичности, а об экономике, о благополучие, о материальном, о здоровье (что тоже, по большому счёту, относиться к материальному и зависит от экономики). Экономика и материальная жизнь – это основа, базис. А идеи, философия, идеология и прочее – это надстройка, вторичность. Бытиё определяет мысли человека, а не наоборот. Вот марксизм. Я не устану повторять это хоть сотни раз.

Но теперь Энгельс заявляет, что вообще-то это всё ещё не окончательно, всё это не доказано, т.к. это вопрос – фи-

лософский, «великий вопрос всей, в особенности новейшей философии»! Потому что, якобы, ещё не определено отношение мышления к бытию. Ведь древние-то, мол, думали над сновидениями, вот вам и доказательство! То есть, вместо того, чтобы признать основой базис, Энгельс вдруг признаёт основой – надстройку! Не экономический вопрос, а вопрос идей, метафизики, философии, вопрос о сознании и бытии. Он переворачивает весь марксизм с ног на голову! (Гегель аплодирует!) У Энгельса не бытиё определяет мысли человека, а наоборот, сознание человека определяет его бытиё; у него человек сам выбирает, каким ему быть: идеалистом, или материалистом. Энгельс пишет о том, что человек сам решает этот вопрос в соответствии со своим мировоззрением. Поэтому главный вопрос философии у него теперь – не вопрос базиса (основы), а вопрос надстройки (вторичности, идеи, идеализма). Вот вам и Энгельс!

И после этого марксисты относят «основной вопрос философии» Энгельса к марксизму? Да в своём ли они уме? Они явно совершенно не поняли того, что утверждает Энгельс. Они даже не обратили внимание на то, что Маркс нигде не называет подобный вопрос «основным для всей философии». И Ленин не называл этот вопрос «основным для всей философии». Ленин отнёс его к гносеологии, к одному лишь разделу философии. Но даже в гносеологии этот вопрос не является главным. А уж для всей философии – тем более.

Мало того, думается, что и Энгельс сам не понял того, что он утверждал. А не понял он этого по той причине, что перепутал соответствующие категории философии, о которых говорилось выше, он не попытался заглянуть вглубь проблемы, о которой писал. В результате перепутал базис с надстройкой. Он представлял философию только в той форме, которая навязывалась идеалистами, в частности – гегельянцами.

На самом деле Энгельс, конечно же, вовсе не хотел идти против марксизма. Он даже не понял, что пошёл против него. Да и многие из тех, кто неверно представляет себе философию, тоже не понимают этого до сих пор. Как видим, энгельсовский ОВФ ни коем образом не относится к марксизму. Все марксисты, которые уверены в правильности энгельсовского ОВФ, должны называться не марксистами, а энгельсистами. А вернее – гегельянцами, т.к. Энгельс набрался этого именно у Гегеля.

Но беда в том, что ОВФ Энгельса уводит от действительной основной проблемы философии. И, как видим, – уводит уже на уровне категорий.

Конечно, у Энгельса была весомая причина обратить всеобщее внимание философов на вопрос отношения бытия и сознания. Он сам указывает на эту причину. Ниже я тоже укажу на неё. Однако собственным непродуманным заявлением об «основном вопросе философии» Энгельс перечеркнул всё то, к чему они с Марксом шли долгие годы. Вышло так, что Энгельс выступил против марксизма, сам того не

желая и не осознавая. Вот что получается, когда неверно понимать философию.

Получается, что марксизм – это философия Маркса и Энгельса без «основного вопроса философии», придуманного Энгельсом. А сам этот пресловутый ОВФ Энгельса – это уже не марксизм, это – энгельсизм. А ещё точнее – гегельизм.

3. Как Энгельс навредил научной философии

К сожалению, этим своим утверждением об «основном вопросе философии» Энгельс навредил не только марксизму, что показано выше, но и всей научной философии, что гораздо хуже.

Вот только тут виноват уже совсем не Энгельс. Потому что Энгельс просто ошибся. Философ тоже человек и вполне может ошибиться. Притом, что его ошибка имеет вполне исторические корни. Можно даже сказать, что Энгельс не мог не ошибиться.

Во-первых, он недостаточно думал над тем, что в философии является основным, а что – главным; что – проблемой, а что – вопросом, что – первично, а что – вторично.

Во-вторых, его современники в подавляющем большинстве не представляли себе иной философии, как только метафизику, да и ту, как правило, – на основе идеализма и теософии. И в этом тоже немалая заслуга Гегеля. Поэтому многие философы того времени писали о том, что философия должна просто исчезнуть вместе с религией, освободив место науке. Многие, как и Энгельс полагали, что в философии осталась только проблема сознания, а все остальные вопросы уже перешли в разряд положительных наук. Это представле-

ние высказывал ещё Кант, заявляя о скандале в философии. Поэтому не удивительно, что Гегель, потом Энгельс (да, наверняка, и Маркс) именно так представлял себе философию, а учение Маркса в то время ни он сам, ни кто другой философией практически не называл. Они просто не понимали, что такой взгляд на философию – ошибочный.

Вина того, что у общества возник такой ошибочный взгляд на философию, во многом лежит на Гегеле, и, конечно, на других идеалистах. По сути, взгляд Энгельса на «основной вопрос философии» – это взгляд гегельянца, взгляд идеалиста, а не материалиста и марксиста. Поэтому я и утверждаю, что Энгельс просто ошибся, и ошибка его была не намеренная, но роковая для научной философии.

Основная же вина лежит не столько на Энгельсе, сколько на тех, кто изучал философию и марксизм уже в XX веке как профессионалы-философиоведы. Вот на ком лежит действительная вина! Ведь учёные философиоведы, особенно марксистского толка, просто обязаны были заметить эту ошибку Энгельса и разъяснить её недалёким эпигонам марксизма, которые любое слово классиков марксизма считают истиной в последней инстанции. Потому что философиоведы – это, прежде всего, учёные, изучающие философию научно, именно научно, с научной точки зрения. Во всяком случае, они именно так должны изучать философию, если считают себя профессионалами. Поэтому на них в первую очередь лежит ответственность за формирование научного взгляда на фи-

лософию в целом и на философские представления разных философов в частности.

Ведь с неумных эпигонов марксизма взятки гладки. Вместо логического научного анализа они просто повторяют за классиками марксизма всё ими сказанное: и научное, и нелепое. Тут играет неизменную могучую и губительную роль проблема авторитета. Но эта проблема играет злую шутку и с философиоведами, которые боятся указать на ошибку именитого философа. Чаще всего они пытаются взглянуть на проблему глазами самого философа и объяснить, почему именно он так считал. И всё. Это не только не научный, но даже не философский подход к делу. Объяснить и оправдать можно что угодно. Но если учёный не рассматривает проблему с научной точки зрения, не указывает на то, что верно, а что неверно, то либо он сам не знает этого (не профессионал), либо намеренно искажает картину действительности (дискредитирует философию). В обоих случаях он фактически перестаёт быть учёным философом – философиоведом.

Основная система философии. Давайте начнём вопроса: «Какова основная система философии?».

Тут я, кажется, открываю очередной ящик Пандоры. У философской Пандоры ящиков много. И в каждом ящике сидит свой устаревший философский миф, который яростно защищают традиционалисты. В меня и так кидают камни со всех сторон: и разгневанные идеалисты, и ортодоксальные марксисты, и неумные преподаватели университетской фи-

лософии, не желающие ничего менять, потому что иначе им придётся расписаться в своей некомпетентности. Но истина дороже!

Итак, какова же основная система философии? Известно, что во многих учебниках по философии указывается, будто в философии есть «несколько основных философских систем». Далее перечисляются такие «системы» как материализм, идеализм, агностицизм, дуализм, пантеизм и пр. Вот только проблема в том, что нет, и не может быть нескольких «основных» философских систем. Здесь опять вспоминаем понятия и категории. У любого явления основа – одна! Есть основа материализма (одна!), есть основа идеализма (одна!), также пантеизма и прочих систем. Но каждая из этих систем не может быть основной для философии. Все они никак не могут быть основой, основными. И три – не могут, и две – тоже. Основа – одна! Основное – одно. Если походя относиться к категориям, то можно весь категориальный аппарат философии выбросить на помойку.

Тут нужно понимать, что имеется в виду конкретно, когда употребляют термин «основа». Если термин употребляется не в собственном смысле, а в качестве синонима к другому понятию, тогда можно пренебречь его точным смыслом. В этом случае можно сказать и об «основных вопросах», и об «основных системах». Тем более, когда это – устоявшееся «словосочетание». Например, известно, что в языковой системе можно встретить выражение «грамматические осно-

вы», которых в одном предложении может быть несколько. Или нередко можно встретить учебники по философии с названием «Основы философии». Когда люди встречаются с подобными выражениями, у них часто возникает впечатление, будто у одного явления может быть много основ. На самом деле это не так. В первом примере основами называются фундаментальные грамматические формы предложения (форм может быть много), во втором – азы понимания философии (азов, как начальных знаний, тоже может быть много).

Когда мы употребляем словосочетания типа «основные понятия», «основные системы» и т.п., то чаще всего используем, либо исторически устоявшиеся языковые конструкции, которые не всегда бывают формально верны; либо синонимы к таким понятиям как: «наиболее важные», «наиболее распространённые», «наиболее известные».

Но когда имеется в виду само понятие, категориальный смысл, то нужно понимать, что, хотя все названные вещи и могут относиться к основе какого-либо явления или процесса, но сами по себе все они не могут быть основными. Важными – да, могут быть многие вещи; а основной – только одна вещь, основная. «Основное», «основание», «основа» – это центр, базис, фундамент.

Также неверно употреблять (хотя традиционно и употребляются) словосочетания типа «главные вопросы», «главные цели» и т.п. Главное – это тоже единичное понятие. Важных может быть много, значимых может быть много, но главный

– один.

Я не из-за занудства и не на пустом месте, как может кому-то показаться, предъявляю претензии к языку философии. Я это объясняю для того, чтобы философы больше уделяли внимания значениям слов и терминов, чтобы не запутывать себя и других неправильным их употреблением. Всё-таки философия должна воспитывать порядок и порядочность мышления и языка, а не вносить в них беспорядок и неразбериху. Иначе будут размываться до аморфности сами понятия и категории. А это для философии – серьёзная проблема, ведущая к её болезни и смерти.

Безусловно, при желании всегда можно найти исключения из любых правил, но это будут именно исключения, которые, как известно, только подтверждают правила. Иначе и самих правил не было бы. Поэтому нужно понимать, что философия как таковая (как целостное явление) имеет только одну основную систему. Даже само словосочетание: «одна основная система» воспринимается как тавтология (или как плеоназм), как раз потому что уже само понятие «основа» не предполагает множественности.

Итак, основная система философии (единственная, как основа) – это система «человек и мир»: осмысление человеком мира вокруг и внутри себя. Основная система (человек – мир) определяет и единую сущность философии – осмысление действительности. Сущность философии определяет её единую суть – поиск истины. Суть же предполагает единый

предмет познания философии – истину. Поэтому ясно, что поиск истины должен оправдывать основную систему философии, должен служить ей, нести ей пользу. Отсюда возникает основной смысл философии – служение человечеству. То, ради чего, собственно и существует философия как осмысление действительности в её основной системе (человек – мир); то, что только и может нести пользу. Здесь ещё можно добавить основную цель и основную задачу философии, которые, собственно, тоже работают на основной смысл философии – служение человечеству.

Здесь суть, смысл, задача и цель – это краеугольные камни философии, её главные постулаты, без которых она становится фикцией, фиктивной философией или лжефилософией. Но главным из постулатов тут выступает, как вы уже поняли, – смысл (как основа, как базис всего остального), без чего философия становится просто бессмысленна, бесполезна, не несущая пользы. Вот основа философии.

Поэтому понятно, что те системы, которые выше названы «основными философскими системами» (материализм, идеализм, агностицизм и пр.), во-первых, не могут все быть основными, во-вторых, являются скорее не философскими, а мировоззренческими системами, основанными на разных подходах к познанию. Но даже для мировоззренческих систем они не могут все являться основными, просто здесь, как уже указывалось, в понятие «основные» вложен смысл: «наиболее распространенные», «часто встречающиеся». Ка-

кую систему познания человек выстроит, таким и будет его мировоззрение. Но это не основа философии.

Так вот, в системе «человек – мир», человек познаёт весь мир, то есть – всё, на что только может быть направлено его внимание. Но прежде, чем познавать мир далёкий от человека, каждому человеку сначала приходится познать тот мир, который рядом, который его окружает непосредственно. Поэтому филоистика указывает, что каждый человек – философ. И это не желание человека, не его прихоть, он вынужден это делать помимо своего желания. Сначала человек познаёт «ближнюю природу», в которой он существует, своё тело, находящихся рядом людей, предметы, уклад жизни семьи, законы и традиции того небольшого общества, в котором живёт его семья и он сам. Потом он узнаёт, как добываются ресурсы для жизни: пища, питьё, кров, одежда и т.п., как устроена экономика, жизненный базис. Так человек формирует своё сознание и мировоззрение, то, что в марксизме называется надстройкой. После этого человек может направить своё внимание на осмысление остального мира, который не является для него непосредственным: изучать науки, философию, религию, искусства и пр. И это тоже будет влиять на его мировоззрение, но уже вторично и опосредованно.

Основа философии и марксизм. Как видим, марксизм нам указывает, что, осмысливая мир, человек приходит к пониманию основного и второстепенного, базиса и надстройки. Марксизм показывает, что именно базис определя-

ет надстройку. Экономика общества, устройство материального производства, определяет быт и мировоззрение людей, их идеи, их уровень философского познания и развития наук.

Но если основная система философии – «человек – мир» – начинается с базиса, с бытия, с того осмысления действительности, которое даёт понять, что человек должен (именно должен) сначала обеспечить себе (обществу в целом) безопасное и развивающееся существование, – то и основная проблема философии должна касаться именно базиса, а не надстройки, она должна касаться обеспечения такого бытия, которое дало бы человеку возможность жить лучше, свободнее, справедливее, чтобы познавать (осмысливать) мир более качественно и как можно шире. Она должна касаться смысла, пользы.

Иными словами, научная философия и марксизм как её часть показывают, что отталкиваться в изучении чего-либо всегда нужно от главного, от основы, от базиса. И только тогда, когда эта основа понята правильно, можно двигаться дальше. Не раньше. Энгельс же предложил забыть о базисе и начать с надстройки. Основу философии он увидел не в её смысле, не в смысле системы человек – мир, не в базисе, не в экономике, а в идеях, в надстройке. То есть у него получилось, что основа – в познании, а не в том, для чего это познание, собственно, и должно осуществляться.

Главный – человек. В системе «человек – мир» главным

выступает человек, как познающий субъект, а вовсе не мир как объект. Но даже тут тихой сапой вкрадываются неточности, ведущие к ошибкам. Очень часть пишут не «человек – мир», а наоборот: «мир – человек». Вроде бы ничего, якобы «от перемены мест слагаемых сумма не меняется», как пишут многие. Якобы оба варианта верны. В общем смысле – да. Но в точном значении – нет. В формуле «человек и мир» главным и определяющим является человек. А в формуле «мир и человек» – на первое место ставится мир, а не человек. Подсознательно человек отодвигается на второй план.

Это похоже на то, как некоторые филофилософы (любители философии) утверждают, будто в формуле «бытиё определяет сознание» не понятно, что чего определяет, потому что мысленно и фонетически ударение можно поставить на любое существительное; и, якобы, в русском языке нет правил, регулирующих такие случаи, где первое слово должно определять второе. Поэтому позволю тут небольшое, но важное отступление на эту тему.

Например, на одном из форумов увидел и специально выписал такое утверждение:

«Фраза «бытие определяет сознание» **неоднозначна с точки зрения грамматики**. В зависимости от того, как поставить ударение, на первый план выходит или «бытие», или «сознание»».

Подобных утверждений филофилософов стало так много, что некоторые материалисты начали предлагать другие ва-

рианты формулы Маркса, например, такой: «сознание определяется бытиём».

Первое, что тут хочется ответить, так это то, что упоминание грамматики в данном вопросе совершенно неуместно. В разбираемой фразе нет грамматических ошибок. Человек просто не понимал, о чём написал.

Второе, и самое главное, на что хочется указать таким филофилософам, так это на то, что формула «бытиё определяет сознание» – вполне правильная, и грамотно составленная; она не предполагает двузначности и строго соответствует правилам русского языка.

Давайте разберём, что тут к чему. В русском языке таких примеров не мало. Вот, к примеру: «Дочь моет мать». «Мать моет дочь». Кажется, что не понятно, кто кого моет?

Тогда обратимся к правилам русского языка.

1. В предложении «мать моет дочь» используется **прямой порядок слов** (подлежащее – сказуемое – дополнение), потому что каждое из двух существительных в обоих падежах звучит и пишется одинаково. **Для таких ситуаций русский язык, будучи синтетическим, предполагает элемент аналитичности: говорящий или пишущий, если хочет, чтобы его поняли, использует прямой порядок слов**. И уже не по морфологическим признакам, а исходя из синтаксиса, можно понять, что «мать» – подлежащее (именительный падеж), а «дочь» – дополнение (винительный падеж).

Примеры. Мать любит дочь. Дочь любит мать. Главным словом – подлежащим – в таких конструкциях всегда выступает первое существительное, а дополнением – второе существительное. Никак не иначе. Потому что иначе будет нарушение правил русского языка. Вольное – ошибочное – написание, где дополнение ставится перед подлежащим, можно редко встретить даже в художественной (вольной) литературе, но в научной и философской литературе, где каждое слово должно нести точный смысл, подобная вольность обозначает только безграмотность, некомпетентность.

В таких фразах подлежащими и дополнениями должны выступают существительные, у которых именительный падеж совпадает с винительным падежом. Примеры: Моря окружают материки. Серебро заменяет золото. Металл вытесняет дерево.

2. Ещё один вариант похожей конструкции встречается в тех случаях, когда форма именительного падежа единственного числа совпадает с винительным падежом множественного числа. Примеры: Дитя видит цыган. Коллектив приветствует солдат.

3. Ещё вариант похожей конструкции можно наблюдать, когда одно из существительных (или оба) в предложении является несклоняемым. Примеры: Дитя видит кенгуру. Кенгуру видит фламинго.

В таких конструкциях главное слово – подлежащее – всегда пишется вначале именно для того, чтобы был понятен

смысл фразы. Такие фразы нельзя трактовать как угодно. Это просто безграмотно.

Надеюсь, внимательный читатель заметил, что выше я написал: «якобы, в русском языке нет правил, регулирующих такие случаи, где первое слово должно определять второе». Так вот фраза: «первое слово должно определять второе», – по сути, относится к таким же конструкциям, и регулируется вышеуказанными правилами русского языка. Поэтому не нужно считать, что такие конструкции языка являются редкими исключениями и никак не регулируются правилами. Просто нужно знать правила русского языка. Я сам не большой грамотей и нередко пишу с ошибками. Но в важных вопросах, всё же, стараюсь разобраться.

Третье. Что же касается формулы «сознание определяется бытиём», то, по большому счёту, можно употреблять и её. Наверняка, кому-то она будет более понятна. Только и тут есть тонкости, на которые стоит обратить внимание. В данной формуле утверждается, что «сознание определяется», то есть как бы само по себе, самостоятельно определяется, хотя и посредством бытия. На самом деле сознание не может определяться само, его именно определяет бытиё. Это работа бытия – определять. Сознание не определяет и не определяется само по себе, без бытия. Сознание может только полагать, что делает это, представлять, анализировать, идеализировать с той или иной долей достоверности. Как, знаете, есть философская шутка: мозг – это орган, при помощи ко-

торого мы думаем, что мы думаем. Вот так и с сознанием.

Даже если написать: «бытиём определяется сознание», то и тут выйдет, что сознание как бы само определяется. Поэтому формула «бытиё определяет сознание» является более грамотной и точной. Просто не надо забывать или игнорировать правила русского языка. Тогда не нужно будет и копья ломать попусту.

А вот теософы, дабы сбить с толку не очень образованных филофилософов, вполне могут умалчивать о правилах русского языка и утверждать о неграмотности, непонятности и двузначности классической формулы Маркса.

Главный – человек. Продолжение. Теперь вернёмся к формулам: «человек – мир» и «мир – человек». Кажется, что от перестановки ничего не происходит. Однако эти конструкции подчиняются тем же правилам языка, в том смысле, что на первом месте должно стоять главное слово. Система «человек и мир» для философии вполне правильная, где человек – главный, где человек изучает мир. Система «мир и человек» – это как бы обратная система, в которой уже подсознательно предполагается, что главный не человек. Это кажется как бы оправданным, ведь мир первичен, он больше человека, поэтому он – главный. А теперь вспомним, в какой системе у нас человек не главный? Правильно, – в идеалистической системе, где главный тот, кто создал весь мир и олицетворяет его собою. Человек тут в подчинённом состоянии.

При этом если иметь в виду не основную философскую систему, где субъект осмысливает действительность, а, например, какие-нибудь познавательные издания, типа детских энциклопедий, то в этом случае вполне уместно писать «Мир и человек». Потому что в данном случае мы пишем об уже познанном мире, или о тех вопросах, которые уже обозначены человеком. То есть, здесь рассматривает то, что уже смог осмыслить человек в окружающей действительности. Такие издания могут даже делиться на разделы, например: «Мир и человек. Африка», «Мир и человек. Физика» и т.д. Эту тонкость тоже нужно учитывать.

Или если мы рассматриваем эволюционный процесс. Тут тоже уместна система «мир – человек», т.к. в эволюционном процессе человек появился почти в самом конце. Но когда мы говорим о познании, о философии – осмыслении действительности, то тут уже работает система «человек – мир», т.к. познаёт мир человек. Поэтому основная философская система, то есть система осмысления действительности, – это система «человек – мир», система познания, а не система того, что уже познано.

Человек вполне понимает, что мир больше него, шире, сильнее, страшнее, непонятнее, загадочнее… но – не главнее его самого! Человек познаёт мир не ради мира, а ради самого себя. Поэтому «человек есть мера всех вещей», как верно заметил Протагор ещё в V веке до нашей эры. Полностью его утверждение выглядит так: «Человек есть мера всех вещей:

существующих в том, что они существуют, и несуществующих в том, что они не существуют».

Означает это утверждение Протагора то, что никакой бог, никакие внешние всевышние и всемогущие силы, никакой Всемирный Разум не являются для человека приоритетом. И никогда не являлись. Даже в те далёкие времена, о которых упоминает Энгельс, пытаясь доказать правоту своего «основного вопроса философии».

Для человека важен человек! Только он сам! И только сам человек является и всегда являлся мерой всех вещей. И мерой богов в том числе. Какими бы там ни были эти внешние силы, или эти боги, но если они плохи для человека, не устраивают его, то и бог этот – тоже плох, он рискует лишиться своего статуса. Именно поэтому человек никогда не уважал и не щадил чужих богов. Потому что они были плохи для него, они не удовлетворяли его желаний, и плевать ему было на то, что они – боги. Так христианство уничтожило сотни богов, на деле доказывая, что главное для человека не боги, не идеи, не надстройка, а – базис, экономика, богатство, ресурсы, благоустройство.

Это значит, что основа для человека – его бытиё, то самое бытиё, которое определяет его сознание. Поэтому бытиё должно стать максимально удобным для человека, максимально осмысленным, понятным и управляемым. А без правильной экономики добиться этого невозможно. Поэтому Маркс и определяет, что именно экономика является ба-

зисом и основой развития общества. Поэтому и для философии (для осмысления мира) главное – базис, а не надстройка, не смотря на то, что сама философия является надстройкой! И раз уж основная система философии «человек – мир», а основной смысл философии (служение человечеству) символизирует базис этой системы (экономику, благоустройство), то и основная проблема философии заключается в извечной невозможности выработать благоприятную для всего общества экономику. Это проблема относится к смыслу философии. Из этой основной проблемы философии и возникает главный вопрос философии – «как создать идеальное общество?». Этот вопрос не надуман (как у Энгельса), он естественным образом порождается основной проблемой философии. Он естествен для каждой эпохи, для каждого общества, для каждого человека.

Именно это является главным открытием марксизма для научной философии. Открытием, которого никто не заметил. А не заметили его, потому что Маркс не выделил в отдельный пункт «главный вопрос философии», как это попытался сделать Энгельс. Маркс полагал, что это и так будет понятно, ведь он показал это на основе изучения базиса и надстройки развития общества. Именно это раскрывает филоистика – научная атеистическая философия, – указывая на то, чего недосказал или недопонял Маркс, но что совершенно извратил Энгельс, забыв о базисе и надстройке.

К сожалению, благодаря Энгельсу, здесь раскрылись пре-

красные возможности для реализации четырёх постоянных факторов дискредитации философии.

Первый момент. Как только Энгельс на крыльях марксизма ворвался в академическую философию в качестве одного из классиков марксизма, неся с собой при этом совершенно ненаучное осмысление основной проблемы и главного вопроса философии, он широко распахнул ворота в академическую философию всем идеалистам, против которых сам же и выступал. Он предложил академической философии считать основой философской в системы «человек – мир», где главное – человек, не проблему смысла философии, проблему бытия и базиса, где главное – развитие экономики; наоборот – Энгельс предложил считать основой философии вопрос надстройки, вопрос вторичной системы, вопрос идей, вопрос идеализма.

Уже одно то обстоятельство, что марксисты протащили «основной вопрос» Энгельса в академическую философию как научный, – отбросило научную философию назад, к гегелевским временам, к той системе, с которой так долго боролся Маркс (да и сам Энгельс), стараясь поставить её «с головы на ноги». Энгельс одним своим утверждением вновь поставил с ног на голову и сам марксизм, и всю научную философию.

Повторяю, более серьёзная вина тут лежит на философиоведах, а не на Энгельсе, которые просто ошибся. Это ярчайший пример внутренней дискредитации философии, ко-

торая постоянно возникает из-за того, что учёные философы позволяют себе отступать от научного познания и доверять авторитетам на слово.

Второй момент. Конечно же, все идеалисты возликовали и моментально согласились с Энгельсом, что именно это и есть «основной вопрос философии», то есть – ещё нерешённый вопрос! Они с радостью ухватились за эту идею Энгельса как за спасательный круг! А как же иначе? Это же их родная тема! Конечно же, главное в философии для идеалистов – без конца переливать из пустого в порожнее, рассуждая об отношении бытия к сознанию, спорить, что первично, есть ли бог, высчитывая при этом, сколько пролезет ангелов или чертей в то игольное ушко, через которое не пролезет верблюд. Как же они могут не согласиться с тем, что вопрос бытия и сознания всё ещё не решён, всё ещё является не только философским, но и основным для всей философии? Как же они могут не согласиться с тем, что вполне может быть именно сознание первично и диктует бытию?

Энгельс своим непродуманным заявлением не только полил живительной влаги на засыхающие побеги идеалистической метафизики, но и обильно смазал елеем колесо идеалистической мельницы, которая мелет мелким помолом любую ненаучную идею. Это имиджевая дискредитация философии, постоянно возникающая из-за того, что любая философская система, даже ненаучная и лжефилософская стремится стать популярной, заработать имидж, получить при-

знание, забраться в академическую философию как равная.

Это притом, что Маркс однозначно доказал: бытиё определяет сознание. Научно доказал, на примерах и фактах истории, на экономической теории, которую сам Энгельс признал научной. Вот такая петрушка получилась, благодаря непониманию Энгельсом научной философии. Поэтому некоторые идеалисты и сегодня утверждают, что настоящий философ – это Энгельс, а Маркс – так, не более чем экономист, да и то слабоватый. Ага, конечно, да. Как же ещё может рассуждать идеалист?

Ну ладно, с идеалистов и взятки гладки. Но гораздо хуже и губительнее то, что с этим ненаучным утверждением Энгельса согласились и продолжают соглашаться многие марксисты-материалисты, не особо разбирающиеся, как видно, ни в марксизме, ни в философии.

Третий момент. Для всей религиозной философии это утверждение Энгельса было неожиданным подарком. Ведь получилось так, что сам марксизм, претендующий на научность, в лице Энгельса заявляет, что «основной вопрос философии» касается бытия и сознания, а не экономики, да к тому же он ещё не решён, то есть, никто не может утверждать, что бога нет. Сегодня даже многие учёные материалисты соглашаются с этим. А главное – каждый волен решать этот «основной вопрос», как захочет. Ведь, по сути, именно так и заявляет Энгельс, он пишет:

«Великий основной вопрос всей, в особенности новей-

шей, философии есть вопрос об отношении мышления к бытию…

Высший вопрос всей философии, вопрос об отношении мышления к бытию, духа к природе, имеет свои корни, стало быть, не в меньшей степени, чем всякая религия, в ограниченных и невежественных представлениях людей периода дикости. Но он мог быть поставлен со всей резкостью, мог приобрести все свое значение лишь после того, как население Европы пробудилось от долгой зимней спячки христианского средневековья. Вопрос об отношении мышления к бытию, о том, что является первичным: дух или природа, – этот вопрос, игравший, впрочем, большую роль и в средневековой схоластике, вопреки церкви принял более острую форму: создан ли мир богом или он существует от века?

Философы разделились на два больших лагеря сообразно тому, как отвечали они на этот вопрос. Те, которые утверждали, что дух существовал прежде природы, и которые, следовательно, в конечном счете, так или иначе признавали сотворение мира, – а у философов, например у Гегеля, сотворение мира принимает нередко еще более запутанный и нелепый вид, чем в христианстве, – составили идеалистический лагерь. Те же, которые основным началом считали природу, примкнули к различным школам материализма».

Странно было бы полагать, что Энгельс вдруг стал идеалистом и пошёл против Маркса и их совместного учения – марксизма. Конечно, нет! Но проблема данной работы Эн-

гельса в том, что в ней он, всё же, фатально отступает от марксизма, когда рассуждает об «основном вопросе философии».

Во-первых, совершенно необоснованно он утверждает, что вопрос бытия и сознания – это «великий, основной и высший для всей философии» вопрос; ведь в доказательство своего утверждения Энгельс приводит только тот аргумент, что об этом якобы думали люди с древних времён. Однако это слишком слабый аргумент. Мало ли о чём думали люди. Они думали о разном. И как раз об отношении бытия и сознания люди думали гораздо меньше, чем о других, более насущных жизненных вопросах. Но главное – здесь Энгельс совершенно забывает о марксизме, который уже доказал научно, на фактах и на примерах, что с самого зарождения человечества в первую очередь и чаще всего люди думали о том, как добыть пищу, как обустроить быт и тому подобных действительно важных для человека вопросах. Они думали о базисе! Следовательно, и главный вопрос философии как системы осмысления «человек – мир» должен касаться базиса! Маркс же прекрасно это разъясняет! И вдруг надстройка у Энгельса становится важнее базиса! Удивительно!

Во-вторых, обратим внимание на то, как именно Энгельс в своей работе указывает на решение этого вопроса идеалистами и материалистами («великого, основного и высшего для всей философии»). Он пишет, что «философы разделились на два больших лагеря сообразно тому, как отвечали

они на этот вопрос».

Как отвечали они на этот вопрос?!! Серьёзно?! Но позвольте, разве так решаются вопросы основы? Неужели Энгельс полагал, что главный вопрос философии, должен решаться на основе мнений, на основе того, как «отвечает на него» тот или иной философ?! Разве так решаются главные вопросы? Не доказательствами, не научными выкладками, ни логическими аргументами, ни фактами истории, а на основе ответов представителей тех или иных философских движений? Если так решается какой-то вопрос, то этот вопрос уж точно не может быть «великим, основным и высшим для всей философии»! Неужели Энгельс этого не понимал? Он акцентирует внимание на том, как философы «отвечали на этот вопрос», как они «утверждали», а не на том, что об этом говорит наука, научное познание, научная философия.

У Энгельса вышло, что определяет мировоззрение мышление, идея, а откуда она взялась – не важно. Это чисто гегелевский взгляд на философию, в котором определяющее – идея. Это явно не марксизм. Зачем же они с Марксом писали огромные труды, выстраивали научную теорию, если можно было просто заявить, что материалисты правы и бытиё первично, и всё? Тут Энгельс опять отступает от марксизма, который никогда не решал вопросы, тем более главные вопросы, на основе мнений и утверждений, не опирающихся на серьёзные научные выкладки и фактические доказательства.

В итоге, основываясь на этом ненаучном утверждении

Энгельса, религиозная философия почти легитимно заняла свою обширную нижу в академической философии как равноправная система научной философии. Вот такую медвежью услугу услужил Энгельс марксизму и научной академической философии своей непродуманной идеей.

После этого, не особо задумываясь над научностью самого вопроса, неумные эпигоны марксизма и толпы идеалистов в рядах академической философии пошли писать историю всей философии по Энгельсу, а не по Марксу. И марксизм стал всего лишь одним из направлений философии, а не её авангардом.

Повторюсь, я не осуждаю Энгельса, потому что он сделал своё утверждение по ошибке, сам того не желая. Сделал из-за того, что не должным образом относился к понятиям и критериям; сделал из-за того, что сам ещё не осознал всеобъемлемости понятий базиса и надстройки, открытых Марксом; сделал из-за того, что философию представлял только как метафизическую систему познания по Гегелю.

4. Какую действительную проблему вскрывает Энгельс?

При всём вышеизложенном, нужно отдать Энгельсу в этом вопросе и должное уважение за то, что он смог всё же указать на действительную проблему философии, о которой высказался в своей работе. Хотя не смог понять причину этой проблемы и правильно её оценить.

Я уже указывал, что не осуждаю Энгельса, не смотря на то, что он ошибся, называя основным и главным для философии совсем не то, что в действительности является для философии основным и главным? Ошибка есть ошибка. Тем более – ненамеренная.

В чём же заключается эта действительно значимая проблема, указанная Энгельсом? А это и есть проблема разделения философов на материалистов и идеалистов, о которой пишет Энгельс.

Энгельс попытался осмыслить и объяснить это разделение философов отношением их к бытию и сознанию. Что и привело его к мысли об «основном вопросе философии». Как показано выше, это была неудачная попытка объяснения, сослужившая плохую службу и марксизму, и научной философии в целом, и пониманию философии как таковой, – в частности.

И всё же Энгельс поднял действительно важный для философии вопрос о материализме и идеализме. Я бы даже сказал, что вопрос этот важен не только для философии, но и для науки, для познания в целом.

Чтобы понять, что побудило Энгельса обратить внимание на вопрос разделения философов на материалистов и идеалистов, нужно обратить внимание не на его заявление о «великом основном вопросе всей философии», а на том, что заставило его назвать этот вопрос великим и основным.

Почему Энгельс вообще рассматривает Фейербаха и пишет о нём свой трактат? Почему Энгельс называет свою работу «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии»? Только ли потому что Фейербах в то время был ярчайшим критиком идеализма и Гегеля в частности? Фейербах обратил на себя внимание такими своими работами как «К критике философии Гегеля» (1839), «Сущность христианства» (1841), которую отмечают как главный его труд, «Лекции о сущности религии» (1851), в которой Фейербах выступает с критикой религии и идеализма. Фейербах был одним из первых немецких философов XIX века, усомнившихся в основательности универсальной философской системы Гегеля.

Например, Энгельс пишет, что в работе «Сущность христианства» Фейербах «одним ударом» разделался с предрассудками идеалистов, «провозгласив торжество материализма». «Заклятие было снято; «система» была взорвана и от-

брошена в сторону». Это о гегелевской системе философии.

Далее Энгельс пишет: «Надо было пережить освободительное действие этой книги, чтобы составить себе представление об этом. Воодушевление было всеобщим: все мы сразу стали фейербахианцами. С каким энтузиазмом приветствовал Маркс новое воззрение и как сильно повлияло оно на него…».

Вот с чего начинается коллизия работы Энгельса о Людвиге Фейербахе и классической немецкой философии. Вот почему Энгельс пишет именно о конце классической немецкой философии! Но если разгром Фейербахом гегелевской системы Энгельс посчитал концом классической немецкой философии, то в чём сама коллизия его работы? Оказывается, вовсе не в том, что Фейербах разгромил Гегеля «одним ударом», как пишет Энгельс. Потому что далее Энгельс признаётся:

«…гегелевская школа разложилась, но гегелевская философия ещё не была критически преодолена… Фейербах разбил систему и попросту отбросил её. Но объявить данную философию ошибочной ещё не значит покончить с ней».

Вот первое, что тревожило Энгельса. Он понимал: «… гегелевская философия… имела огромное влияние на духовное развитие нации». Только не нужно идеалистам тут хлопать в ладоши, мол, вот, сам Энгельс признаёт, что «гегелевская философия… имела огромное влияние на духовное развитие нации»! Никто не отрицает этого огромного влия-

ния. Проблема только в том, что это огромное влияние было негативным. Материалисты видели, что идеализм не может развивать общество, науку и философию. Вот что волновало Энгельса.

Второе, что тревожило Энгельса, – понимание того, что негативное влияние идеализма невозможно уничтожить одним только «объявлением» ошибочности философии Гегеля или даже всего идеализма. Нужна качественная научная система, не «объявляющая», а аргументированно разъясняющая фактическую нелепость и ущербность идеализма научным методом, с примерами и выкладками. Собственно, этим и занимались Маркс с Энгельсом, создавая экономическую систему развития общества на основе исторического диалектического материализма.

Третье, что возмущало Энгельса, и почему он, собственно берётся за данную работу о Фейербахе и конце классической немецкой философии, это то, что он как раз ставит под сомнение этот «конец» идеализма, на том основании, что даже в понимании материализма у философов ещё много идеалистических представлений. Энгельс показывает, что даже среди материалистов слишком мало тех, кто действительно разбирается в этом вопросе, а уж тем более – профессионально и научно. Энгельс описывает путаницу в понятиях и представлениях философов даже о том, что такое материализм и идеализм. Он критикует и Фейербаха и других мыслителей за то, что в самих представлениях о «материализме» они вы-

казывают разные мнения, порой далёкие от понимания сути самого понятия.

Энгельс пишет: «Ниже мы увидим, какая путаница возникает в тех случаях, когда им придают какое-либо другое значение». Им – это идеализму и материализму. А значение им Энгельс определяет только одно:

«Те, которые утверждали, что дух существовал прежде природы… признавали сотворение мира… – составили идеалистический лагерь. Те же, которые основным началом считали природу, примкнули к различным школам материализма.

Ничего другого первоначально и не означают выражения: идеализм и материализм, и только в этом смысле они здесь и употребляются».

Как видим, Энгельса волновала неразбериха среди философской братии в осмыслении самих понятий «идеализм» и «материализм». Широкие массы и многие философы той поры просто ещё не могли даже чётко определить, где материализм, а где идеализм. И это, действительно, очень важная проблема, на которую стоило обратить внимание. К сожалению, проблема эта не исчезла и сегодня, гегельянцы и теперь живее всех живых и мечтают снова подстроить научную философию под лекала Гегеля. Значит, и сегодня ещё рано говорить о «конце классической немецкой философии».

Поэтому-то вопрос об отношении мышления к бытию Энгельс и решил назвать «великим основным», «высшим» во-

просом всей философии.

Что ж, проблема понятна. И желание Энгельса обратить на неё должное внимание философов – тоже понятно. Но, как говорится, есть нюанс.

Как писал сам Энгельс о Фейербахе: «объявить данную философию ошибочной ещё не значит покончить с ней». Точно такой же упрёк можно теперь адресовать и самому Энгельсу: объявить данную проблему «высшим» и «великим» вопросом всей философии, – это ещё не значит доказать правоту своего определения. Хотя тут он как раз ошибся.

Да, Энгельс обозначил весьма важную проблему. Но действительно ли для философии она основная?

Давайте посмотрим, в чём тут ещё ошибся Энгельс, кроме всех тех ошибок, на которые было указано выше.

5. Причины заблуждения Энгельса. Философия – это не философы!

Нет сомнений, что Энгельс поднимает очень важный вопрос об отношении бытия и мышления. Значимость этого вопроса признают как идеалисты, так и материалисты. Вопрос этот, конечно, важный, но это не «основной вопрос всей философии».

Мы уже знаем, что вопросы не могут возникать ниоткуда. Должна быть проблема, которая порождает вопросы. Поэтому хочется спросить. Какая проблема порождает вопрос об отношении бытия и сознания?

Здесь предлагаю три разных ракурса рассмотрения данной проблемы.

Первый ракурс. В том ли проблема, что в бытие, мире есть сознание?

Второй ракурс. В том ли проблема, что философы не могут понять отношения бытия и сознания?

Третий ракурс. В том ли проблема, что представители двух противоборствующих течений философии не могут договориться по её решению?

Как вы думаете, какая из трёх названных проблем объективна и актуальна?

Давайте попробуем ответить на каждый из трёх вопросов.

Ответ на первый ракурс. Как видим, только первый ракурс касается непосредственно самой философии. Мир есть бытиё и в этом мире есть сознание. Отсюда возникает проблема для человека по осмыслению отношения бытия и сознания. Но является ли для самой философии (для осмысления как такового) проблемой то, что существует вопрос об отношении бытия и сознания? Конечно, нет! Это не проблема философии, не проблема осмысления при условии, что вопрос этот вполне может быть осмыслен. Напомню, что Ленин не считал «основной вопрос философии» Энгельса основным вопросом для философии, он отнёс его лишь к гносеологии (одному разделу философии), справедливо полагая, что это – вопрос познания, осмысления. Мало того, даже в гносеологии как разделе философии этот вопрос не занимает основы и не является главным. Потому, что этот вопрос не только решаем, но и уже решён. А решённый вопрос никак не может быть главным для познания (гносеологии). Ленин больше обращал внимания на то, что вопрос этот разделяет философов на два противоборствующих лагеря, и в этом он был полностью согласен с Энгельсом. Но ведь представители обоих указанных лагерей (или течений) утверждают, что они решили этот вопрос вполне окончательно, т.е. – познали отношение бытия и сознания! Значит, познание этого вопроса вполне возможно! Следовательно, для самой философии тут нет никакой проблемы.

Ответ на второй ракурс. Так как оба лагеря филосо-

фов, утверждают, что они познали отношение бытия и сознания, то никакой проблемы в познании этого отношения быть не может. Определённая проблема возникала бы тогда, когда один из лагерей признался бы, что не может познать этого отношения. Но тогда проблема была бы не в познании отношения бытия и сознания, т.к. другой лагерь утверждает, что познал это отношение. Проблема была бы в отсутствии способности познавать мир у представителей того лагеря, который утверждает о невозможности познания этого вопроса. То есть, тут опять проблема не столько философии как таковой, сколько философов, не способных, познавать. Вопрос тут такой: почему одни философы могут познать действительность, а другие – не могут? Вот вопрос второго ракурса. Не вопрос отношения бытия и сознания, а вопрос способности к познанию у определённого лагеря философов.

Кроме того, по сути, при любом ответе на вопрос отношения бытия и сознания (бытиё первично и оно определяет сознание; или сознание первично и оно определяет бытиё), – мы всё равно не можем ответить «почему человек не может познать что-либо и действительно ли не может?». То есть, вопрос «познаваем ли мир?» мало зависит от ОВФ Энгельса об отношении бытия и сознания. Проблема познания сама по себе имеет не прямое, а косвенное отношение к проблеме бытия и сознания. Это отдельные проблемы, хотя Энгельс и соединяет их в одном надуманном «основном вопросе».

Даже прямой ответ (человек может познать всё; человек

не может познать всё) ещё не позволяет ответить на вопрос что первично, бытиё или сознание. Потому что это разные вопросы с разными проблемами, которые искусственно связали в одно целое.

Но главное, – и это мы уже отметили, – что представители обоих философских лагерей утверждают, будто они окончательно познали отношение бытия и сознания! Следовательно, данная проблема опять не имеет отношения к философии как таковой. Нет смысла познавать то, что уже познано. Это, скорее, проблема договора между философами, проблема доказательств истинности знаний тех или других.

Ответ на третий ракурс. Как известно, и Энгельс, и Ленин, да и многие другие философы чаще всего вспоминали вопрос об отношении бытия и сознания тогда, когда нужно было определить, кто перед ними: материалист или идеалист. В других вопросах философии об этом, как правило, не вспоминают. В своей работе Энгельс как раз и указывает на то, что философы разделились на два противоборствующих лагеря. На это же указывает и Ленин в работе «Материализм и эмпириокритицизм». Он пишет: «Это коренное различие "двух больших лагерей", на которые делятся философы "различных школ" идеализма и материализма, Энгельс ставит во главу угла, прямо обвиняя в "путанице" тех, кто в ином смысле употребляет выражения идеализм и материализм».

Как видим, проблему и коренное различие Ленин вполне

справедливо видит в разделении философских лагерей, а не в познании самого вопроса бытия и мышления. Это опять-таки значит, что проблема не в отношении бытия и сознания, и не в познании этого отношения, т.е. – не в гносеологии, т.к. обе стороны утверждают, что вполне познали этот вопрос. Проблема в выяснении того, почему два лагеря не могут договориться по этому вопросу, какие тут причины, и какой метод познания следует признать действенным и истинным, а какой – ложным, фиктивным: идеалистический и материалистический. Вот в чём вопрос! Вот где кроется проблема, которую смог увидеть Энгельс, но не смог понять и правильно показать. Как видим, это вовсе не философский вопрос, и уж тем более не основной. Это вопрос научный, вопрос научного метода. Вопрос честности (морали) и профессионализма (знаний) в научной философии и науке. Стоит ли научное познание оставить на откуп мнений и представлений идеализма, или необходимо руководствоваться только фактами и доказательствами? Иными словами, Энгельс просто перепутал проблемы философов с проблемой самой философии. Возможно, он посчитал, что философы – это и есть философия. Но нет, философия – это наука, а философы – это люди, изучающие мир при помощи философии.

Наука и не наука, философия и лжефилософия . К сожалению, Энгельс не стал разбираться в тонкостях поставленного им же вопроса, он называет «основным философским вопросом» то, что относится не к философии, а к зна-

ниям и идеологии. Разбираться надо не в том, что первично, бытиё или сознание (на этот вопрос философия и наука уже давно дала ответ, сам же марксизм дал ответ), а в том, что мешает идеалисту понять первичность бытия! То есть, это вопрос не философии, а уровня научных знаний у конкретных философов. Вот на что Энгельсу нужно было обратить внимание. Но Энгельс увидел проблему совсем не там, где она была.

Вместо того чтобы необоснованно объявлять вопрос бытия и сознания «основным философским вопросом», Энгельс должен был вполне обоснованно объявить весь идеализм фиктивной философией, которая дискредитирует научную философию и науку в целом. Тем более что в своей работе он сам пишет о том, что весь идеализм построен на представлениях, а не доказательствах:

«Природа существует независимо от какой бы то ни было философии. Она есть та основа, на которой выросли мы, люди, сами продукты природы. Вне природы и человека нет ничего, и высшие существа, созданные нашей религиозной фантазией, это – лишь фантастические отражения нашей собственной сущности».

Поэтому вопрос понимания отношения бытия и сознания – это вообще не проблема философии, это проблема понимания философии философами. Вот о чём должен был писать Энгельс в своей работе. Он перепутал философов с философией.

Незнание таблицы умножения не является проблемой математики, тем более – основной её проблемой. Это проблема ученика, который не может понять математики, если не понимает таблицы умножения. Точно так же, если человек не знает законов логики, то это не проблема философии или науки, это проблема данного незнайки. Вот и незнание, непонимание первичности бытия – это не проблема философии, это проблема фиктивных философов, не понимающих научной философии, не понимающих науки. А Энгельс и марксисты (не Маркс!) в «основном вопросе философии» решили основываться не на знаниях, а на желаниях, на предпочтениях, на «произвольном» мировоззренческом выборе, что абсурдно само по себе. Это не философский подход к проблеме.

Отношение бытия и сознания – это «таблица умножения» научной атеистической материалистической философии, которую философ должен знать как «Отче наш». Если философ не может понять, что бытиё первично и почему оно первично, то этому философу нечего делать в научной философии. Вот и всё!

Вот на каком уровне происходит деление идеализма и материализма. На уровне азов понимания философии как таковой. Вот о чём должен был писать Энгельс. А не называть давно решённый научной философией вопрос – основным, великим и высшим для всей философии, то есть – ещё не решённым. Повторюсь, это вообще не вопрос философии,

это вопрос понимания философии философами!

Если человек не согласен, что бытиё первично и определяет сознание, то его философия – ненаучна, фиктивна. Но это не проблема философии! Это не может быть основным философским вопросом! Это первый (не основной, а первый!) вопрос о том, понимает ли человек философию и науку вообще. Это проблема человека, философа, его знаний, но не самой философии. Это вопрос компетентности философов. Делить философов нужно не на материалистов и идеалистов, а на научных и ненаучных (фиктивных) философов, которые не понимают философии. Основная же проблема философии и порождаемый ею главный вопрос философии совсем в другом, он вполне определён, и он как раз не решён, он постоянно требует решения и поэтому всегда актуален.

Напомню, что вопрос может возникнуть только тогда, когда определена естественная проблема. А в чём проблема у Энгельса? Она вовсе не в том, что вопрос не решён. Он сам пишет о том, что вопрос решён обеими сторонами. Следовательно, вопрос только в том, какое из решений правильное? А это уже отсылка не к философии, а к научному познанию, к научному методу, который только и может дать компетентный ответ. То есть, это вопрос о том, какая философия научна, а какая фиктивна. Вот в чём вопрос Энгельса!

Можно, конечно тут ещё порассуждать о том, почему ненаучная философия, которая, по сути, фиктивна, настаивает на своём решении вопроса о бытие и сознании. Та-

кая постановка вопроса тоже приведёт нас к действительно основной проблеме философии, – к базису, к экономике и идеологии.

Базис и надстройка. В своей работе Энгельс делает одно замечательное показание исторического факта, на который мало кто обращает внимание при рассмотрении его работы. К сожалению, и сам Энгельс использовал это показание лишь для определённого оправдания неуспеха материалистов, не более того. Он пишет:

«…однако, революция 1848 г. так же бесцеремонно отодвинула в сторону всякую философию, как Фейербах своего Гегеля. А вместе с тем был оттеснён на задний план и сам Фейербах».

Что мы видим из этой небольшой информации? И что должен был увидеть в ней, но не увидел сам Энгельс? А то, что это признание опровергает его же самого, его выдуманный ОВФ.

Ведь он утверждал, что с древности все люди задумывались об отношении сознания и бытия, и это якобы «основной вопрос философии». А тут вдруг свидетельствует, что какая-то местечковая революция, которая длилась около года в Германии, «бесцеремонно отодвинула в сторону всякую философию»! То есть, как идеализм, так и материализм: «был оттеснён на задний план и сам Фейербах». Вот вам и «основной вопрос философии»! И никто не задавался вопросом, что первично, а что вторично. Людям нужно было вы-

жить, победить и снова выжить! Как говорится: «не до жиру, быть бы живу». Вот что для людей главное! Вот где должен ставиться главный вопрос философии! На самом деле ничего не было «отодвинуто»! Просто Энгельс вдруг забыл, что первично – бытиё! Что научная философия и марксизм первичным и основным определяют базис – экономическую жизнь людей, общества! Вот где основная проблема философии! И она никогда в истории не отодвигалась в сторону, не задвигается на задний план! Наоборот, она всегда на первом месте! Потому что она всегда объективна, она вечна! Ведь в истории человечества гораздо больше именно таких периодов войн, восстаний, бунтов и неурядиц, чем мирной жизни, когда философы и люди могут спокойно размышлять о далёких неизвестных первоначалах.

А вот Ленин – настоящий философ, – который даже не размышлял о том, какая проблема философии главная, – понимал её интуитивно как истинный философ, и думал о том, как изменить мир к лучшему в самые горячие моменты истории, во время войны и разрухи. Потому что действительная философия (а не фиктивная) никогда не отодвигается на задний план, она актуальна в любой момент истории. Потому что действительная философия как раз и призвана менять мир. Вспомните слова Маркса о том, что «философы лишь различным образом объясняли мир. Но дело заключается в том, чтобы изменить его». Маркс, как и Ленин, как раз понимал основную проблему философии (необустроенность

жизни общества), и размышлял над главным вопросом этой проблемы – как построить идеальное общество. Хотя он и не указывал отдельно, что это и есть основная проблема философии. Потому что на философию он, к сожалению, во многом смотрел так же, как и Энгельс, как и многие философы в ту эпоху, полагая, что дело философии – это только вопрос сознания и бытия.

Тем не менее, основная проблема философии с древнейших времён по сей день, и во веки веков, касалась, касается и будет касаться базиса, бытия, экономики, основы существования человека! Жаль, что Энгельс почему-то не обратил на свою же оговорку никакого внимания. Он захотел найти основу не в базисе, а в надстройке, в представлениях идеалистов о вопросе бытия и сознания. К сожалению, Энгельс сосредоточил своё внимание на философах и их разногласиях, а не на философии. Он забыл, что философы – это не философия.

Можно привести ещё один хороший пример из истории, показывающий ошибку Энгельса. То есть, указывающий на то, что главное для философии и людей не витание в небесных сферах, не размышления о том, что было раньше, что первично и из чего всё возникло, а самые что ни на есть приземлённые жизненные вопросы бытия, вопросы экономики, вопросы обустройства общества.

Мы помним, что греческая письменная философия началась не в Греции как таковой, а в греческих колониях, в

ионических городах западного побережья Малой Азии на рубеже VII–VI вв. до н. э. В результате чего к VI веку до н. э. она сконцентрировалась в Милете, в крупнейшем из всех малоазиатских греческих городов, что естественно. И там первые из греческих философов (Фалес, Анаксимандр, Анаксимен и др.), пока всё было относительно тихо и спокойно, тоже стали рассуждать среди прочего о том, что было вначале, из чего всё возникло (Фалес – из воды, Анаксимандр – из особой материи, Анаксимен – из воздуха, и т.д.).

Но, как свидетельствуют исследователи, «с утратой Милетом (в начале V в. до н. э.) политической самостоятельности, отнятой персами, прекращается цветущий период жизни Милета и замирает развитие здесь философии» (В.Ф. Асмус. Античная философия. Москва «Высшая школа» 1999). Иными словами, как только в «высокие философские рассуждения о небесах» вторгается реальная жизнь, бытиё, действительность, весь энгельсовский «основной вопрос» катится ко всем чертям! Главным для человека оказывается не то, что на небесах, а то, что на земле, в твоём доме, в твоей стране.

Пример с милетской школой показывает две важных вещи. Первое: без свободы и демократии философия (как и наука в целом) просто «умирает», уходит в подполье, эмигрирует. Второе: главным для всех людей является вовсе не энгельсовский ОВФ, а вопрос благоустройства жизни, политический и социальный вопрос, то есть вопрос, относящий-

ся к общественному бытию, к главному смыслу философии (улучшению жизни людей). Но никак нее к чему-то второстепенному: «что было вначале?», «что первично?», «познаваемо ли бытиё?». Поверьте, когда вам приставляют нож к горлу, когда велят убираться прочь из своего дома неизвестно куда, когда велят платить грабительские налоги, – тогда бытиё становится ещё как познаваемым! И никого уже не интересует, есть ли бог и где он там сидит. Бытиё оказывается первичным, а сознание безоружным.

Безусловно, в историческом плане работа Энгельса имеет своё значение. Но значение это вовсе не в том, что он якобы открыл «основной вопрос философии». Тут он как раз ошибся, к сожалению. Наибольшее значение его работы заключается в том, что он чётко определил совершенную несовместимость идеализма и материализма, указав на разделение философов «на два больших лагеря».

Только Энгельс не понял, что делить нужно было не философов, а научную философию отделять от лженаучной, от фиктивной философии идеализма. Потому что именно ненаучная фиктивная философия и порождает философов-идеалистов – ненаучных философов.

Экономика, политика, идеология. Кроме того, Энгельсу нужно было указать на идеологическую подоплёку фиктивной философии идеализма. Идеология никакого отношения к «основному вопросу философии», на который указывает Энгельс, не имеет. Но она имеет отношение к по-

литике, а политика – к экономике (базису). Ведь сам же Энгельс в этой своей работе пишет о возникновении классов буржуазии и пролетариата следующее:

«Слишком очевидно было, что происхождение и развитие этих двух больших классов определялось чисто экономическими причинами… так же, как и борьба между буржуазией и пролетариатом, велась прежде всего ради экономических интересов, для осуществления которых политическая власть должна была служить всего лишь средством».

Далее Энгельс прекрасно показывает, как новый капиталистический класс только усиливает противостояние развития экономики с её же деградацией. Он обращает внимание на то, что экономические отношения являются решающими для государства, в отличие от старых идеалистических представлений Гегеля о том, что решающим является государство, а не экономика.

Энгельс пишет: «…раз возникнув, всякая идеология развивается в связи со всей совокупностью существующих представлений, подвергая их дальнейшей переработке. (…) Тот факт, что материальные условия жизни людей, в головах которых совершается этот мыслительный процесс, в конечном счёте определяют собой его ход, остаётся неизбежно у этих людей неосознанным, ибо иначе пришёл бы конец всей идеологии».

И после этого Энгельс вдруг объявляет «основным вопросом философии» – вопрос об отношении бытия к сознанию,

а не вопрос о материальных условиях жизни людей? Как вообще такое возможно для марксиста? Ведь он же сам пишет, что «материальные условия жизни людей… определяют собой» ход их «мыслительного процесса»!!! То есть то, как они решают вопрос отношения бытия к сознанию, зависит не от них, а от условий их жизни, их бытия, экономики! И вдруг «основным» у Энгельса становятся мнения (мысли!) этих людей о бытии и сознании, а не материальные условия, которые влияют на эти мнения! Одна из проблем такого странного поведения Энгельса как раз в том, что он вдруг принял философов и их мнения за философию. А саму философию рассматривал в основном как представления идеалистов, а не как развитие научной мысли.

Самая главная причина заблуждения Энгельса заключается в том, что он некритически отнёсся к словам идеалиста Гегеля в вопросе бытия и сознания. По большому счёту, «основной вопрос философии» Энгельса – это «основной вопрос философии» Гегеля, хотя даже Гегель не называл его основным, т.к. понимал, что это только вопрос гносеологии. Ведь то, что философия «распадается на две основные формы разрешения этой противоположности (между мышлением и бытием) – реалистическую и идеалистическую философию…», указывал именно Гегель. Реализм, по Гегелю, – это направление, в котором объективность и содержание мысли возникают из восприятия. Объектом реализма, по Гегелю, является, прежде всего, физическая природа, из наблюдения

над которой извлекают законы и на этом базисе основывают знание. Идеализм, по Гегелю, – это направление, в котором мышление самостоятельно, независимо. Согласно этому направлению, всё присутствует в мышлении, сам дух является содержанием любого знания. То, что в первом случае черпается из опыта, во втором случае – исходит из мышления a priori.

Но и до Гегеля этот вопрос поднимал Кант, а до него исследовали многие другие философы ещё с античности. Энгельс лишь повторил то, что сказал Гегель. И повторил, совершенно не соотнося данный вопрос с марксизмом. Однако Энгельс решил сделать этот вопрос «основным вопросом всей философии». Вот в этом и была его ошибка. Он не подумал о том, что такая позиция совершенно не сочетается с материализмом, с теорией Маркса, с марксизмом. В марксизме этот вопрос никак не может быть основным для философии, что показано выше. Так что в данном вопросе Энгельс выступил не как марксист-материалист, а как идеалист-гегельянец. Но самое грустное то, что никто из марксистов этого не понял, и сегодня многие марксисты уверены, что Энгельс прав. Просто потому, что он Энгельс, классик марксизма.

Проблема понимания философии

Самая большая проблема… хотел написать – философии, но правильнее тут нужно говорить о философах… так вот, самая большая проблема философов заключается в том, что очень многие из них совершенно не понимают, что такое философия. При этом они могут заниматься ею всю жизнь, так и не поняв, что это такое. Они даже могут преподавать философию, не понимая её. Собственно, в подавляющем большинстве философиоведы и преподаватели философии до сих пор являют собой такие примеры. Это удивительно и печально. Это даже не кантовский «скандал в философии», это гораздо хуже.

Меньше всего понимают философию философы-идеалисты. Они прямо-таки оскорбляются, когда им указываешь на то, что философия всегда приводит к атеизму, материализму и наукам. Что все науки – это ни что иное как специализация научной философии. Они даже отказываются это понимать. Хотя непонимание этого – как раз и означает непонимание философии. Беда таких философов в том, что они принимают за истинную философию её фиктивную сторону, по сути – фикцию.

Было бы ещё ничего, если бы это касалась только самих заблудших философов. Но проблема в том, что они создают

внутреннюю дискредитацию философии, протаскивая свои фиктивные идеи в академическую среду, в научную философию, делая её тоже фиктивной. Вот в чём проблема. Происходит это не только из-за слепой веры в авторитеты, но и от неумения думать самостоятельно и честно.

И по этой границе, разделяющей научную и ненаучную философию, проходит всемирная линия фронта, где происходит извечная мировая война философий, в пожирающем огне которой гибнет не только истина, но и люди, целые народы, немало примеров чего я привожу в первой части этой книги: «Война философий. Часть I. Предвестники филоистики».

Однако война эта происходит не столько из-за непонимания философии, сколько из-за намеренной её дискредитации. Потому что, даже если многие философы и не понимают философии, то почти все политики и священники прекрасно знают, что философия – самая опасная наука, которая влияет на умы. Поэтому они всегда стараются держать философов на железной цепи, как цепных псов, держат впроголодь, и позволяют этим цепным философам лаять только в ту сторону, которую укажут. Властителям выгодно, чтобы философы не понимали, что такое философия. За это они готовы давать должности и звания, присуждать степени.

Как у нас до сих пор преподаётся философия? Типа это – любовь к мудрости.

И всё. Далее рассматриваются разные высказывания великих философов о том, что такое философия по их мнению. Мнения эти самые разные. В итоге вы так и не начнёте понимать, что такое философия. Это вполне объяснимо. Такой подход к познанию любого явления, а уж тем более философии, – просто неэффективен. Потому что – ненаучен. Это «метод мнений». Такой «метод» познания даже хуже «метода тыка». Ведь при «методе тыка» пусть вы и не знаете, где искать, но хотя бы знаете – что искать. А при «методе мнений» философы даже не знают, что ищут. Они просто перечисляют разные высказывания разных людей на одну тему, совершенно не применяя к этим высказываниям никакого научного подхода, кроме желания довериться авторитету. Это просто вкусовщина, сбор солянки. А ведь именно такой «метод мнений», «метод слепого доверия» применяют философиоведы и философы к «изучению» философии, и пытаются его преподавать студентам. В учебниках пишут, что такой-то философ так-то представлял себе философию, создал свою школу, другой представлял философию по-другому, создал своё учение, третий – по-своему, создал другую школу.

А вы читали где-нибудь в учебниках о том, что кто-то из философов неправильно понимает философию? Не о том, что один великий философ считал неправильным учение другого великого философа. Этого в учебниках полно. А именно о том, чтобы в учебнике по философии указывалось

на то, какие учения правильные, а какие нет? Какое учение научное и ведёт к истине, а какое антинаучное и уводит от истины. Какое ведёт к знаниям, а какое – к заблуждениям. Не встречали? Вот и я не встречал. Получается, как ни представляй себе философию, всё – правильно? Поэтому не удивительно, что философия никак не может стать наукой. Также не удивительно, что сами философиоведы до сих пор не знают, что такое философия. Они не изучают её, они изучают лишь разные мнения о ней. Для изучения они используют лишь «метод мнений».

«Метод мнений» и «метод слепого доверия» хороши в системе «учитель – ученик», где ученик изначально как бы не имеет никаких знаний и во всём доверяется своему учителю. Когда критическое мышление у ученика ещё не развито, а об изучаемом предмете он не имеет почти никаких знаний. Например, когда первоклассник идёт в школу, то «метод мнений» (в данном случае – мнение учителя) и «метод слепого доверия» к словам учителя тут вполне уместны. Также эти методы, но уже в меньшей степени, уместны среди студентов и преподавателей вузов, где студенты должны доверять преподавателю и его мнению. Больше же всего такие методы действуют в религии, где мнение авторитета является непререкаемым.

Но когда философиовед как учёный философ с учёной степенью изучает философию в качестве целостного явления, – подобные методы просто недопустимы. Иначе этот

философиовед не учёный, а неуч, которому самому нужно поучиться. Ведь он же должен понимать, что в научной философии ценятся не мнения, а факты, логические выводы и научные доказательства.

Филоистика рассматривает философию как природное явление, часть которого формируется в специализированную деятельность. В широком смысле философия – это природное явление осмысления действительности, наблюдаемое у всех живых существ с рождения, и, конечно, у человека тоже. Это осмысление не зависит от желания существа. Всё живое, вынуждено познавать мир вокруг, осмысливать его, чтобы лучше устроиться в этом мире. Так поступает и человек.

Поэтому в узком смысле философия – это специализированная деятельность, занимающаяся только познанием мира. Многие люди решили познание мира сделать своей специальностью и относиться к этому научно, т.е. профессионально. Такие люди стали называть себя философами. Специализированной деятельностью философия называется не потому, что она чем-то отличается от осмысления как такового, а потому, что философы делают осмысление мира своей специальностью, специализируясь именно на этом.

Но если философ не понимает философии как широкого природного явления по осмыслению действительности, значит, он не знает философии, принимая за неё только размышления таких, как он сам «мудрецов». При этом он

нередко отказывает в таких способностях большинству других людей. Такие философы понимают философию слишком узко, однобоко. Они не могут понять ни её сущности, ни её предмета, ни её постулатов. Они не понимают, что философия как природное явление по осмыслению действительности касается всех людей без исключения, поэтому все люди – философы. Но не все – профессионалы и специалисты. А вот как специализированная деятельность философия касается далеко не всех, а лишь тех, кто относится к познанию мира научно, кто сделал это своей постоянной или даже профессиональной (платной) деятельностью, работой.

Филоистика показывает, что философия имеет свою вполне определённую и неизменную сущность, свои строгие постулаты, свой строго определённый и неизменный предмет. Не разные меняющиеся предметы, как думают сегодня многие философы, а только один, который никогда не меняется. Философия имеет свои основные постулаты: суть, задачу, цель и смысл, которые тоже не меняются, потому что они определяют философию и как природное явление и как профессиональную деятельность. Если философ этого не понимает, он не понимает и философии. Если философиовед этого не знает, то как он может называть себя профессионалом?

А понять это не так уж сложно. Здесь коротко рассмотрим эти вопросы.

Сущность философии как явления – это осмысление действительности. Собственно, сущность философии нам и

указывает на то, что философия – природное явление. А не выдумка, или искусственное образование. Поэтому каждый человек – философ. Разница лишь в том, как мы это делаем, как философствуем (научно или нет), и занимаемся ли изучением (естественно, с научной точки зрения) – самой философии. Вот тут и происходит деление философии на научную и ненаучную (бытовую, фиктивную, лженаучную).

Также сущность философии показывает, что для человека **основная система философии** – это система «человек и мир». Кроме того, сущность философии указывает, что у философии как деятельности с необходимостью и неизбежностью должны быть свои постоянные постулаты, характеризующие эту деятельность: суть, цель, задача и смысл.

Суть философии – познание истины в любых вопросах, поиск и осмысление истины. Из сути философии становится ясен и её неизменный **предмет** – истина. Никакого другого предмета у философии нет. Предмет деятельности меняться не может, иначе меняется и сама деятельность.

Цель философии – создание объективной картины мира (научной картины). Собственно сама суть философии и указывает на её цель.

Задача философии – формировать научное мировоззрение. Потому что ненаучное мировоззрение не в состоянии понять научную картину мира. А без этого искажается и цель философии (картина мира), и суть философии (познание истины).

Смысл философии – служение человечеству (улучшение качества жизни). Это основной постулат, которому подчинены все остальные: суть, цель, задача. Которому подчинена даже сама сущность философии.

Итак, сущность философии (осмысление действительности) показывает, что основная система философии (человек – мир) имеет своей сутью поиск истины, для того, чтобы достигнуть цели (создать объективную картину мира), что невозможно без выполнения задачи (формирование научного мировоззрения), иначе картина будет ненаучна, фиктивна. Но всю необходимость этого диктует только один постулат философии – её основной смысл (улучшение качества жизни человека). Без этого вся философия бессмысленна. Следовательно, главным из четырёх постулатов философии выступает её смысл (как основа, как базис всего остального).

А улучшение качества жизни человека возможно только через совершенствование экономики. Что и показывает Карл Маркс в своей теории. Хотя он и сам не понимал сущности философии и её постулатов, во многом благодаря Гегелю и его авторитету.

Если за главное посчитать суть философии – поиск истины, гносеологию, проблемы познания (как предлагает Энгельс), то теряется сам смысл этого поиска, т.к. он (смысл) становится второстепенным. Но ведь главное не то, что человек делает, а то – для чего он это делает. Главное – смысл, осмысленность деятельности, оправданность дей-

ствия. Оправданность всего.

Вот, собственно, вся основа философии. Именно это показывает филоистика. Не так уж сложно. Даже схематично и сухо. Но даже этого не могут понять очень многие философы и философиоведы.

Одни мои критики, не понимающие филоистики, пишут: «Что может измениться, если название «философия» заменить названием «филоистика»?». Это показывает, насколько они не понимают ни философии, ни филоистики. Потому что тут невозможна никакая замена. Это не взаимозаменяемые понятия. Филоистика – это часть философии. Это не вся философия. Вся философия гораздо шире филоистики. Филоистика показывает, что философия – это глобальное явление по осмыслению действительности, включающее в себя и правильное и неправильное осмысление. А филоистика – это только научная часть общей философии, только научная философия. Как она может заменить всю философию? Да никак! Но именно филоистика объясняет, что философия – это широкое явление, включающее в себя и научное и ненаучное познание мира; объясняет, что смешивать эти два разных познания нельзя, потому что если смешивать науку и ненауку, то всё станет ненаучным, наука исчезнет. Это преступно по отношению к философии и человечеству. Поэтому преступно преподавать ненаучную философию как научную.

Другие мои критики, тоже не понимающие филоистики,

пишут: «Зачем фиолистика, если уже есть философия науки?». Эти люди путают философию науки и научную философию (филоистику). Тут как раз соотношение обратное: филоистика как научная философия гораздо шире философии науки. Философия науки изучает только науки (как в целом науку, так и отдельные науки, и научные дисциплины). Научная же философия изучает всё, весь мир, не только науку. Она изучает и философию в целом, и науки, и теософию, и религию, и идеологию, и политику, и экономику, и этику, и вообще всё, на что только может быть направлен интерес человека. Как и философия вообще, филоистика осмысливает всю действительность, но только с научной точки зрения, в отличие от ненаучной философии. Вот в чём разница. Под определением «изучение всей действительность» не нужно представлять, что научная философия сидит на горе и сверху смотрит на мир. Нет, конечно. Просто она присутствует везде, где научно изучается действительность. Она и в физике, и в ботанике, и в религиоведении, во всех сферах познания. Человек не может познавать мир без научной философии. Как совершенно верно утверждает английский философ, писатель, поэт, драматург и журналист Г. К. Честертон: «Без философии с человеком случаются ужасные вещи». Только тут нужно уточник, что речь идёт лишь о научной философии. Потому что ненаучная философия как раз и ведёт к этим ужасным вещам. Поэтому философия и является самой опасной наукой, влияющей на умы

людей, всего общества, всего человечества.

Третьи мои критики, не понимающие филоистики, пишут: «Зачем ещё одна система философии, когда уже есть философская система, где определены такие её разделы как гносеология, онтология, антропология, аксиология, этика и прочие?». Вот только говорят они не о системе философии, а о направлениях её познавательной деятельности, о разделах познания по областям исследования. Филоистика же указывает на саму систему философии (основную её систему). И то, на что указывает филоистика (суть, смысл, цель и проч.) – это не разделы философии, это её внутреннее строение, её неизменные постулаты, её основа и сущность. Они присутствуют в каждом разделе, везде и всюду. Философские разделы подчиняются той же самой системе философии. Одно другому не мешает, а наоборот: показывает сущность философии (основную систему) и её направления познания (систему разделов).

Выше было показано, что основная система философии не меняется, она одинакова в любых областях познания, в любых направлениях знаний. Система философии неизменна в любой области знаний, в любом разделе философии. Да и сами эти разделы (каждый из них) подчинены основной системе философии. Например, гносеология и эпистемология (если их в чём-то различать) – относятся к сути философии (к поиску истины), но суть философии не ограничивается только этими разделами, она есть в каждом направ-

лении познания, в каждой области. Также, например, аксиология, этика, антропология, социальная, политическая, экономическая философии – относятся к смыслу философии в основной её системе «человек – мир».

Основная система философии и разделы философии по направлениям знаний не мешают и не противоречат друг другу. Наоборот, понимание основной системы философии, её сущности и четырёх постулатов делает философию понятной и как явление, и как деятельность. Об этом я пишу почти в каждой своей книге.

Должно казаться странным то, что философы смогли разделить философию по направлениям деятельности, по разделам, определяющим ту или иную тематику изучения разных областей бытия, но так и не смогли понять, что такое философия в целом, как явление, что она такое как деятельность, для чего она собственно существует. Где в ней основа и что в ней главное. Да, это должно казаться странным, если не замечать также войны философий, в которой представителям ненаучной части философии очень выгодно это непонимание философии как явления.

Поэтому здесь нас и интересует основная её проблема, порождающая главный её вопрос. Это тоже тесно связано с основной системой философии, которою вскрыла филоистика, указав на сущность и постулаты философии. Основная проблема философии касается только одного постулата – главного смысла философии. Поэтому и главный вопрос фило-

софии, который порождается основной проблемой, касается смысла философии. И это, как вы уже понимаете, совсем не тот вопрос, на который указывал Энгельс.

Ещё раз повторюсь для лучшего понимания. Рассмотренная выше основная система философии показывает, что основная проблема философии возникает не в её сути (не в познании, не в гносеологии, как полагают идеалисты), а в её смысле, без которого всё бессмысленно, бессмысленна сама философия. Смысл же философии – это улучшении качества жизни людей. Это – базис. А базис – это экономика, что прекрасно доказал Маркс в своём учении. Однако это позорно не понял и всё испортил Энгельс.

В результате ещё и сегодня многие философы считают чуть ли не священной коровой академической философии этот энгельсовский «основной вопрос». Так, в своей знаменитой статье «"Основной вопрос философии" Для современных студентов: мировоззренческий и диалектический аспекты» доктор философских наук профессор Д.А. Гусев с соавторами пишет:

«В статье предпринимается попытка показать, как изучение философии, во-первых, связано с человеческими проблемами, вопросами, желаниями, ожиданиями, надеждами и формированием мировоззрения личности, а, во-вторых, – как преподавать философию таким образом, чтобы учащиеся видели, что она совсем не оторвана от их жизни, но имеет к ним самое непосредственное отношение».

Какое прекрасное намерение, где указаны действительно важные вопросы. Но далее в статье вдруг указывается:

«Авторы стараются раскрыть и первое, и второе на примере изучения такого важного элемента, или раздела философской области знания, как «основной вопрос философии» и связанные с его решениями противостоящие друг другу мировоззренческие позиции и системы жизненной навигации человека».

И тут сразу становится понятно, что авторы, и Гусев, увы, тоже, совершенно не знают философии и того, что нужно считать главным вопросом философии. Не понимают они и того, как нужно преподавать философию. Потому что на примере энгельсовского «основного вопроса философии» (который не столько энгельсовский, сколько гегелевский) просто невозможно раскрыть ни первое, ни второе из того, что они собирались раскрыть. Кроме того, хоть энгельсовский «основной вопрос философии» и можно назвать «важным элементом» философии, именно элементом, но никак нельзя назвать главным или основным вопросом, и уж никак этот вопрос не является каким бы то ни было «разделом философской области знания». Это уж точно не отдельный раздел философии. Этот вопрос от силы тянет на отдельную тему.

Почему же у нас везде пишется подобная ерунда? Да потому, что философиоведы не понимают философии. Ведь если человек не понимает, что такое философия, то как он мо-

жет определить основную её проблему и поставить главный вопрос? Никак. Он может лишь сочинять из головы или повторять уже сказанные кем-то глупости. В данном случае – Гегелем и Энгельсом.

Как менялись представления о философии

Дописьменная философия. Незафиксированный период войны философий

История философии человечества начинается с тех пор, как мы начинаем выделять человека из царства животных. В вузах не рассказывают о том, что это был самый большой период в истории философии, изучение которого, к сожалению, упорно игнорируют современные философиоведы. А между тем это довольно интересный период истории, когда философия ещё называлась просто мудростью. Это самый первый период осмысления той действительности, которую природа предоставила человеку, пожелавшему вступить с единоборство с этой природой.

Этот период охватывает обширнейшие области осмысления природы и человека. Не будь этого огромнейшего периода в истории философии, не возникла бы и греческая философия в том виде, в котором мы её знаем. Именно в тот дописьменный период истории философская мысль привела человечество к развитию инструментов, оружия, военного и художественного искусства, разных ремёсел, сельского хо-

зяйства, архитектуры, медицины, математики и других первых наук, да и самой письменности; именно тот дописьменный период привёл человечество к возникновению цивилизаций.

Уже тогда возникла ожесточённая война за знания. Знания приобрели сакральную форму, они хранились и охранялись сильнее самых ценных реликвий. Потому что знания означали победу не только над врагом, но и над своим народом. Они вели к власти. Знания считались божественными. Оружейники хранили в тайне знания изготовления оружия, кузнецы хранили знания кузнечного мастерства, ювелиры хранили в тайне технику своего искусства, знахари хранили знания первой медицины, жрецы хранили знания своего сакрального ремесла, строители хранили знания по возведению архитектуры. Знания передавались по наследству как драгоценные реликвии, как богатство, которое нельзя отнять. Знание было оружием. Люди понимали это с незапамятных времён. Науки становились сакральным знанием, которое доступно было только избранным, профессиональным сообществам, элите, жрецам. Народу знание выдавалось лишь в конечной или поучительной форме.

К началу античных времён наибольшее количество знаний скапливалось в тех странах, где были более развиты науки и ремёсла, более развита экономика. Но если представители ремёсел в основном развивали свою область знаний, т.к. именно она их кормила и обогащала, то наиболее об-

щими знаниями о природе и человеке могли позволить себе заниматься углублённо лишь те, кто не был обременён ежедневным физическим трудом ради куска хлеба. Во все времена к представителям такой деятельности относились жрецы, т.к. они считались как бы посредниками между богами и людьми. Жрецы были хорошими психологами, ораторами и демагогами, ведь им приходилось оказывать влияние не только на невежественную толпу, но и на высокообразованных царских особ; жрецы были хорошими астрономами и астрологами, т.к. им нужно было объяснять и предсказывать астрономические и погодные явления (например, в Египте – разлив Нила), начало и конец сельскохозяйственных работ и т.п.; по той же причине жрецы хорошо знали математику и другие науки своего времени. Жрецы были грамотны и хорошо образованы. Но они всегда скрывали свои знания от простых граждан.

На тот период Египет был одной из немногих наиболее развитых стран. К тому же, он был не так далёк от Греции. Поэтому первые греческие философы ехали за приобретением мудрости к египетским жрецам. У египетских жрецов учились как многие ранние древнегреческие философы (например: Фалес, Пифагор), так и некоторые довольно поздние (например, Плутарх). Учились греческие философы и у индийских мудрецов, особенно после похода Александра Македонского в Индию.

Почему же шумеры, создавшие, как принято считать,

первую цивилизацию на Земле и уже развитую письменность, или почему Египет, Индия, Китай как наиболее развитые древние цивилизации, предшествующие рассвету Древней Греции, не стали общепризнанными центрами мировой философии в истории? Ведь философия у них была развита в достаточной степени, раз уж в Египет ездили учиться греческие философы, а не наоборот. Причин тут несколько.

Первая причина – религия. Религия всегда сакрализировала и скрывала научные знания от народа. Это было необходимо ей для выживания, для того, чтобы сохранять свою власть, чтобы творить «чудеса»: предсказывать изменение погоды, затмение Луны или Солнца, исцелять или накликать болезни и т.п. Это будет сильно заметно и позднее, в Европе, когда религия буквально подомнёт по себя всю науку и философию.

Вторая причина – это внешняя политика. При всём своем развитии Египет, Индия и особенно Китай вели довольно замкнутую внешнюю политику. Китай вообще пытался отгородиться от всего мира капитальной стеной. Конечно, войны с соседями были, какая-то торговля с другими странами происходила, но не было широкого сношения во всех сферах экономики, ни с соседями, ни и тем более с дальними странами. Это влияло и на культуру.

Третья причина – внутренняя политика. В этих странах не было демократии, власть правителя была непререкаемой, пожизненной и «божественной». Даже сомневаться в ней бы-

ло опасно для жизни.

Конечно, это не все причины, но наиболее значимые.

Философия есть наука. Первый этап письменного периода войны философий

Первый этап в истории письменной философии, когда многие философы наиболее верно понимали философию, – это период антично греческой философии. Тогда философия собственно была общей наукой. Поэтому у философов даже не возникало вопросов о том, что такое философия; они представляли её себе примерно одинаково: как научное (т.е. правдивое и объективное) познание мира, чем философия собственно и является. Даже не смотря на то, что познание это далеко не всегда соответствовало научным принципам, то есть – не всегда было научным, оно всё же стремилось к научности и ориентировалось на научность.

Это послужило тому, что уже в античности можно фиксировано (т.е. имея письменные доказательства) наблюдать как философия стала делиться на материалистическую и идеалистическую. Такое деление происходит всегда, когда философия из общего осмысления действительности начинает выделять научное осмысление, т.е. отделять научное от ненаучного.

Значительно позднее на это обратил особое внимание Гегель, за что ему, конечно, большое спасибо, а за ним – и Эн-

гельс в своём ОВФ, спутав это отделение с главным вопросом философии, а не философов.

Это неизбежное движение философии к научности отмечает и философиовед В.Ф. Асмус в книге «Античная философия» (Москва, «Высшая школа». 1999 г.), он пишет:

«…Умственное движение от VII до IV в. до н. э. может быть охарактеризовано как развитие или как путь от мифологии и от религии к материалистически мыслящей науке».

Собственно, филоистика как раз и указывает на то, что научная философия всегда ведёт к материализму, а как результат – к наукам и атеизму. А ненаучная философия – это, по сути, философия фиктивная, ложная, лженаучная, уводящая от истины.

В своей книге далее В.Ф. Асмус верно отмечает:

«Первые материалистические учения на грани VII–VI вв. до н. э. возникли в Милете – крупнейшем в VI в. до н. э. из всех малоазиатских греческих городов».

Но так как Асмус обучался философии по традиционным методикам XX века, он тоже не до конца представлял, что это такое на самом деле. Поэтому он пишет следующее:

«Все три первых милетских философа (Фалес, Анаксимандр, Анаксимен) сочетали философское исследование, а также зачатки научного исследования с запросами и задачами разносторонней практической деятельности».

Это неверное понимание философии и науки. Философы не «сочетали» то, что пишет Асмус, потому что философ-

ское исследование и научное исследование – это одно и то же. Ненаучное исследование не может быть философским. Невозможно познавать мир ненаучным путём. Также понятно, что абсолютно все исследования должны сочетаться и сочетаются с «задачами практической деятельности». Знаменитая легенда о Фалесе и маслобойных с неопровержимостью доказывает нам единство философии, науки и практики.

Постоянное желание современных философиоведов отделить философию от науки показывает только то, что они совершенно превратно понимают философию. Потому что философия – это и есть научная деятельность по изучению мира. Все науки – это специализация научной философии. Именно так античные философы понимании свою деятельность, как наиболее верное и объективное познание действительности. Это и есть – научное познание. Понимая это, Аристотель выделил из общей философии отдельные её специализации: физику, математику, политику, экономику, этику, поэтику, риторику и др. Он понимал, что научные знания обособляются из общей философии в отдельные науки. Но это вовсе не значит, что наука перестаёт быть философией. Она остаётся философией, но только специализированной в одной области знаний.

Подтверждая это, Асмус далее совершенно верно пишет о первых философах:

«…они оказались одновременно создателями первых в

Древней Греции астрономических, математических, физических и биологических понятий и догадок, конструкторами первых простейших научных приборов (гномон, солнечные часы, модель небесной сферы), а также авторами первых основанных на наблюдении предсказаний астрономических явлений».

Хотя Асмус так и не понял, что первые античные философы не делили свою деятельность на философскую и научную. Философия для них и была общей наукой.

Ещё более правильно пишет об античной философии А.Ф. Малышевский с компанией в своём учебном пособии «Введение в философию» (М.: «Просвещение», 1995 г.):

«Древнегреческий философ Платон (IV в до н.э.) нередко употреблял слово «философия» в том же смысле, что и современное понятие «наука», например в выражении «геометрия и прочие философии»».

К сожалению, кроме констатации этого факта Малышевский и компания в своём учебном пособии больше не акцентируют на этом факте никакого внимания, и сами не пытаются его осмыслить. Они, как и многие прочие, не понимают, что это и есть истинное понимание философии, так как любая наука – это всего лишь специализация философского знания в одном из направлений общих знаний. А вовсе не что-то отличное от философии, или противостоящее ей.

Итак, главное, что тут нужно отметить:

Уже первые философы античности относились к филосо-

фии как к научному познанию мира. То есть понимали философию такой, каковой она и есть на самом деле: осмыслением действительности. Это неизменная сущность философии. Поэтому им не нужно было думать над тем, что же такое философия, чем она является. По этой же причине уже первые античные философы стали приходить к атеизму. Пусть не все, но многие из наиболее значимых. Сама философия неизменно ведёт к атеизму. Понимали это даже идеалисты, поэтому позднее апостолы христианства и запрещали своей пастве заниматься философией, то есть – познанием мира, о чём свидетельствует Библия.

Это даёт возможность ясно увидеть войну философий уже с первых письменных источников по античной литературе. Античные философы-материалисты автоматически становились атеистами, чего, конечно, не могла допустить религиозная верхушка. На атеистов объявлялись гонения, за атеизм предполагалась смерть. Поэтому не все философы осмеливались открыто заявлять о своём атеизме в религиозном обществе. Впрочем, в этом вопросе ничего не изменилось и сегодня.

Протагор, рассматривая в качестве одного из критериев «истинности» мнение (суждение), которое в данное время разделяется большинством граждан (см. Платон. Теэтет), указывал, что в этом случае встаёт вопрос о богах и их объективном существовании. Из рассуждений Протагора следовало, что «боги существуют не по природе, а вследствие ис-

кусства и в силу некоторых законов» (Платон. Законы, X). То есть, выдуманы. Однако на прямой вопрос о том, существуют ли боги сами по себе («по природе») независимо от мнения большинства людей, Протагор отвечал уклончиво, не решаясь на открытый атеизм: «О богах я не умею сказать, существуют ли они или нет, и каковы они по виду. Ведь много препятствий для знания – неясность дела и кратность человеческой жизни» (80, В 4 ДК). Известно, что скептицизм Протагора в отношении объективного бытия богов был квалифицирован общественным мнением Афин как «нечестивость». Более того, философ подвергся судебному преследованию и был осуждён на смертную казнь. Как вам такая война философий? Казнь за мнение! Он спасся только благодаря побегу из Афин. Иначе в античности был бы казнён за атеизм не только Сократ. Книга Протагора «О богах» была публично сожжена» (Кессиди Ф. Х., Сократ, изд. «Феникс», 1999).

Может, потому Сократ и отказывался записывать свои слова или оставлять после себя книги, что не хотел их публичного сожжения? Если учесть, что Протагор был всего лишь лет на 20 старше Сократа, то можно себе представить, в какой враждебной среде пришлось проповедовать Сократу своё учение, за которое он всё же был осуждён и казнён религиозным обществом. Вот вам и война философий, вполне реально уносящая жизни философов.

Но о суде над Сократом за богохульство знают все. О суде

за богохульство над Протагором или над Аристотелем, или над другими философами знают не многие. А ведь наверняка было немало судов за богохульство над менее известными философами, и наверняка были другие казнённые философы, имена которых история просто не сохранила.

Подавление научной философии и науки. Второй этап войны философий

С победой христианства философия фактически была задавлена теософией и уже материалистическая философия почти не рассматривалась, так как была под смертельным запретом многие столетия. Ещё и сегодня некоторые считают, что в то время философия была «служанкой религии». Это ложное представление о философии. Научная философия служанкой никогда не была, но она была почти под полным запретом. Открыто распространялась только теософия (религиозная философия), относящаяся к метафизике. Вот она действительно была «служанкой религии». Но такой она, собственно, была всегда. Такой она остаётся и сегодня. Просто многие философы, не понимающие философии, не могут отличить научную философию от фиктивной, от религиозной. Однако фиктивная философия хотя и называется философией, но по своей сути таковой не является из-за невозможности познавать истину и изучать действительность.

Первой задачей христиан как раз и стояло убийство науч-

ной философии. Полное избавление от неё. Как уде указывалось, в Библии апостолы прямо завещали, чтобы никто их христиан не прельщался философией. А почему? Да потому что философия вела к истине и атеизму. Отцы церкви это прекрасно понимали.

Если кто-то думает, что утверждая о непримиримой войне философий я сгущаю краски и преувеличиваю, то это ошибочное мнение. Действительность куда страшней. Я указываю лишь незначительную часть той всеобъемлющей жесточайшей войны фиктивной философии с научной философией, которая уносила и уносит в небытиё не только целые культуры, целые пласты знаний, но и жизни людей.

Даже поэмы Гомера могли просто исчезнуть из человеческой культуры благодаря идеализму, религии и христианам. Едва лишь христианство начало приобретать власть в первых столетиях новой эры, как христиане тут же обратили свой гнев на произведения античных авторов. В опалу попали Гомер, Софокл, Эсхил, Еврипид, да и все прочие. Почему? Просто потому, что писали о других богах. Вот вам и оскорбление чувств верующих, и то, к чему оно приводит! Каков итог? Христиане запретили преподавать Гомера в школах, его поэмы изымались и уничтожались. Да, христиане жгли поэмы Гомера! Гомер смог уцелеть только потому, что ко времени христианизации был уже так широко известен и распространён не только в Греции и Риме, что христиане просто физически не могли сжечь все свитки его поэм.

Но почти все античные библиотеки с тысячами свитков (не только литературных, но и научных, и философских) были навсегда уничтожены христианами. По всей Антиохии собирали книги дохристианского периода и уничтожали, сжигая или закапывая в землю. Некоторые исследователи даже указывают (хотя точно это и не подтверждено), что христиане спалили знаменитую Александрийскую библиотеку в Египте, где содержалось более четырнадцати тысяч книг!

Современный норвежский философ Ларс Свендсен пишет следующее:

«Платон руководил Академией до самой своей смерти в возрасте 80 лет, а затем она продолжала существовать еще около 900 лет, пока в 529 году ее не закрыл император Юстиниан».

Христианский император! Вот вам и война философий. А вот ещё один примечательный факт из истории: в 228 году древнегреческий писатель Афиней в своем труде «Пир философов» указал почти 800 имен писателей, описал 1500 названий литературных произведений, которые до нас вообще не смогли дойти. Они навсегда утеряны для мировой культуры. Мы бы даже не знали их названий, если бы чудом не сохранился данный труд Афинея.

Ещё один примечательный факт из истории христианства: в 590 году римский папа Григорий приказал уничтожить все (все!!!) книги дохристианского периода! Вот как действует война философий.

Именно такими были плоды «мирного» христианства! Вот что значит на деле «любите врагов своих». Вот что значит на деле «оскорбление чувств верующих»! Больше всего религиозных верующих оскорбляет чужая культура и наука! Вот так прививалась мирная религия любви к ближнему. Христос бы сам повесился на осине вместо Иуды, если бы знал, что будут творить его последователи от его имени.

Чтобы ярче проиллюстрировать эту страшную войну философий того периода, можно вспомнить лишь одного философа. Философа женщину. Гипатия Александрийская – философ времён поздней античности, математик, астроном, механик. Она была широко известна как образованная женщина философ, учёный и прекрасный оратор; её уважали даже далеко за пределами Александрии. Она преподавала философию и астрономию. Христиане силой вытащили Гипатию из колесницы, когда она возвращалась домой, притащили её в церковь (бывший языческий храм); там её раздели догола, жестоко избили, сдирали кожу осколками черепицы и устричными раковинами, ещё живой выкололи глаза, затем ей перерезали горло. После этого тело расчленили и сожгли. Позднейшие авторы вину за смерть Гипатии часто возлагают на Кирилла Александрийского (Отца Церкви и канонизированного святого).

Вот вам и безобидная война философий. Убийство Гипатии так потрясло империю, что будущие неоплатоники стали крайне категорично противостоять христианству. Не смот-

ря на запреты и гонение материализма и атеизма, ощущение философии как науки не пропадало у многих философов, которые занимались философией честно и научно, хотя даже они предпочитали об этом помалкивать.

Все учебные заведения, вся наука была взята под строгий контроль церкви. Не было ни одной светской школы, но одного светского университета. Наука могла кое-как развиваться лишь в монастырях или при церкви. В результате у необразованных философов возникло представление о том, что философия якобы стала служанкой религии, а науки рождались в монастырях; что настоящая философия – это метафизика и теософия, рассуждающие о теологических фантазиях на тему духа, ангелов и бесов.

Тем не менее, научная философия и науки не умерли, не исчезли. Они продолжали развивать научную мыль, хотя и в кандалах религии, под её гнётом и зорким присмотром. Наука в те времена развивалась медленно, она почти не выходила в народ. Но даже в жёстких рамках религии появлялись такие философы и учёные как, например, Роджер Бэкон, Николь Орем, Николай Кузанский и другие.

Борьба научной философии за науку, отделение науки от религии. Третий этап войны философий

Третий этап войны философий в письменной истории возникает после средневековья, когда немногие учёные фи-

лософы, понимающие философию как науку, стремились возродить научную философию и завоевать свободу науки от религии.

Например, можно назвать Рене Декарта или Бенедикта Спинозу, эти великие философы многое сделали для того, чтобы освободить научную философию от влияния пагубных идей Средневековья. Также можно вспомнить Исаака Ньютона, некоторые научные труды которого даже назывались не иначе как философскими трудами. Чего стоит только его труд «Математические начала натуральной философии», в котором он рассматривал законы движения и всемирного тяготения. Физика тогда собственно считалась натуральной философией. Ньютон разрабатывал именно научный метод познания в философии (читай – в науке). Он писал:

«Лучшим и наиболее безопасным методом философствования, как мне кажется, должно быть сначала прилежное исследование свойств вещей и установление этих свойств с помощью экспериментов, а затем постепенное продвижение к гипотезам, объясняющим эти свойства. Гипотезы могут быть полезны лишь при объяснении свойств вещей, но нет необходимости взваливать на них обязанности определять эти свойства вне пределов, выявленных экспериментом… ведь можно изобрести множество гипотез, объясняющих любые новые трудности».

Ньютон отверг популярный тогда подход Декарта и некоторых его последователей, в котором предписывалось при

построении научной теории вначале «проницательностью ума» найти «первопричины» исследуемого явления. Гегель подхватит эти идеи Декарта. На практике этот подход часто приводил к выдвижению надуманных гипотез о «субстанциях» и «скрытых свойствах», не поддающихся опытной проверке. Например, как позднее гегелевские абсолютная идея и мировой дух. Ньютон считал, что в «натуральной философии» (физике) допустимы только такие предположения («принципы», «законы природы»), которые прямо вытекают из экспериментов, обобщают их результаты. А гипотезы – это предположения, недостаточно обоснованные опытами: «Всё…, что не выводится из явлений, должно называться гипотезою; гипотезам же метафизическим, физическим, механическим, скрытым свойствам не место в экспериментальной философии». Ньютон вполне обоснованно пишет об экспериментальной философии. А теперь вспомните, как многие современные философиоведы утверждают, что в философии вообще нет эксперимента. Конечно, прав Ньютон, а не нынешние невежды.

Заметим также, что Ньютон прекрасно отличал метафизику как ненаучную философию от философии как науки. Кроме того можно вспомнить работы Ньютона в области религии, где он вполне доказательно указывал на ненаучность и нелогичность постулатов христианства. Особенно он отрицал постулат о троице как глупость и ложь. Христиане, конечно, об этом помалкивают, старательно затаскивая Нью-

тона в свой лагерь. Конечно, Ньютона нельзя назвать открытым материалистом или атеистом, возможно из-за религиозного давления того времени, но он всё же понимал, что изучение мира должно быть научным и основываться на опыте, практике и научном познании. Он понимал, что философия и наука неразрывны, что они отличны от религии и теософии. Ньютон утверждает: «В философии не может быть государя, кроме истины».

Итак, можно сказать, что даже при давлении церкви великие умы понимали, что есть научная философия, которая ведёт к истине и наукам; и есть религия с её теософией, которые ничего для познания не дают, кроме религиозных представлений. Однако открыто выступать против церкви в религиозном обществе всегда опасно. При этом Ньютон отказывался присоединиться к государственной англиканской церкви, отрицал троицу и некоторые другие постулаты христианства, что создавало ему серьёзные проблемы в жизни. Хотя против религии как таковой он, конечно, не выступал, не говоря уже о том, чтобы провозглашать атеизм, как философы античности. Церковь и религиозная идеология всё же были ещё достаточно сильны, чтобы кто-то осмеливался открыто выступать против религии, не получив в ответ ожесточённой реакции.

Тем не менее, наука стала всё увереннее отделяться от религии и религиозного влияния. Учебные заведения стали выходить из монастырских стен и обосновываться в светских

университетах. И хотя во всех учебных заведениях богословие ещё преподавалось как обязательный предмет, это уже не так влияло на всё более твёрдо встающую на ноги науку, аргументам и опытам которой религия не могла противопоставить ничего.

Оттеснение философии от науки. Четвёртый этап войны философий

Можно сказать, что наука почти сумела освободиться от оков религии, но вот с философией дела обстояли иначе.

Во-первых, никто толком так и не определил, что же такое есть философия. Каждый думал о ней лишь как о «любви к мудрости» и возможности помудрствовать. Не было четких параметров философии, чётких постулатов, определяющих философское мышление, не было чёткого определения философии, чтобы можно было отделить её от фиктивной философии, от лжефилософии. Каждый судил на свой лад. Термин «метафизика» сильно влиял на ложное понимание философии как чего-то отличного не только от физики, но и науки вообще.

Во-вторых, в отличие от учёных, религия прекрасно понимала силу философии и отчётливо видела её организующую мощь, идеологическое влияние. Поэтому ни за что не хотела упускать своего диктата над философией, используя для этого все софистские и схоластические приёмы, используя

ложь, откровенную клевету, запугивание, физическое давление и даже расправы.

В-третьих, за столетия религиозного давления в философии перемешалось столько ненаучных религиозных идеалистических и околонаучных идей и представлений, что учёным, дабы не дискредитировать науку, легче было вовсе отказаться в своих трудах от слов «философия» и «философское» (какие использовал Ньютон), и оставить только название науки и научные термины.

Таким простым приёмом учёные хотели раз и навсегда избавить науку от претензий на научность разных религиозных, метафизических и прочих идеалистических представлений, которые по традиции тоже назывались философскими, как и научная философия, то есть, тоже считались как бы философией.

Учёные надеялись этим отделить научные знания от ненаучных. В определённом смысле, они смогли этого добиться. Но с одним огромнейшим и непростительным упущением. Они даже не заметили, что с водой выплеснули и ребёнка. Верее, тут произошёл обратный процесс: ребёнок выбросил мать. Учёные, не понимая, что такое философия, лишили науку научной философии – своей мамы, – отказались от матери, отринув от себя научную философию вместе с фиктивной философией, как ненужную. Вместо того чтобы бороться за философию, они согласились со смешением научной и ненаучной философии, что было верхом их глупости. Со

студенчества приученные в вузах к неверному пониманию философии, учёные не понимали, что такое философия на самом деле, поэтому и не могли отделить научную философию от ненаучной.

Так научная философия вместе с ненаучной философией в умах учёных и философов была отодвинута от науки, стала считаться каким-то отдельных явлением. Поэтому и учёные, и философы совершенно перестали понимать, что такое философия. Поэтому и вопрос о том «Что такое философия?» стал для философии одним из важнейших. Никто теперь не мог понять, что это такое.

Тут нужно понимать, что изменилась не сама философии. Изменилось представление о ней учёных и философов. Научная философия как была в лоне науки, так и осталась, она как рождала новые науки, так и продолжала их рождать. Ни учёные и философы перестали называть её философией, она как бы исчезла из их понимания.

Примером такого заблуждения может служить, например, Кант, который невольно сыграл роковую роль в пользу ненаучной идеалистической философии, даже не желая того. Это ещё более повлияло на отделение научной философии от науки. Можно считать Канта «пограничным разделителем» понимания и непонимания философии, после которого почти все философы стали полагать, будто философия рассматривает только самые общие вопросы поиска первоначал. При этом сам Кант совершенно в этом не виноват. Таким его сде-

лали кантианцы. А теософы после смерти Канта практически перетянули его на свою сторону, сделав «истинным христианином» (как они поступали всегда и со всеми), хотя и напрасно.

Кант не ходил в церковь и не был набожным, несмотря на то, что в философских воззрениях был идеалистам и у него есть работы, посвящённые осмыслению бога и религии. Но он не был идеалистом в чистом виде, и уж тем более не был религиозен. То, что религия – это не философия и не наука, Кант прекрасно понимал. Он не только отделял философию от метафизики, но также опроверг все имеющиеся на тот момент «доказательства» бытия бога как несостоятельные и ложные. Кант прекрасно осознавал ненаучность теософии и метафизики, умел отличить от них научную философию, которую хотел выстроить в соответствии со своими представлениями.

Наблюдая ситуацию, в которой наука тоже стала существовать как бы отдельно от философии, Кант, пожалуй, первым из философов задумался над этой проблемой: если философия – это не наука, а наука – это не философия, то что же такое философия? Он видел, что философией пользуется и наука, и религия, но и та и другая, как он полагал, не есть философия, они отличаются от неё. Тогда что же такое философия сама по себе, философия как таковая, отдельная и от религии и от науки?

Изучая и критикуя идеализм Декарта и Беркли, Кант на-

звал «скандалом в философии» ситуацию, при которой философия вынуждена доказывать реальность внешнего мира, и оказывается, что не способна этого сделать. Кант указывал на то, что существует необходимость доказывать реальность вещей вне нас, хотя это кажется неочевидным. Он считал, что это создаёт «скандал для философии и общечеловеческого разума»: необходимость принимать существование внешнего мира «лишь на веру». Кант направил своё философствование на исследование мышления, разума, сознания, на возможности познавательной деятельности. Он попытался заглянуть вглубь разума.

При этом Кант ратовал за метод критического философствования. Он рассуждал о «чистом знании», о том, как оно возможно само по себе. У Канта «чистый» не означает какой-то внечеловеческий, какое представление позднее возникнет у Гегеля. «Чистый разум», «чистое знание» у Канта означало доопытный, внеопытный, изначальный, априорный, «неэмпирический». Кант исследовал идею существования априорных знаний и невозможность познания вещи в себе, то есть мира за пределами сознания, мышления.

С одной стороны кантианцы стали кричать о том, что Кант якобы открыл априорность знаний, их доопытность, что сознание определяет бытиё. Хотя в действительности, Кант как раз доказал обратное, он доказал опытность любого знания, он показал, что знания апостериорны. Лишь две идеи: идея пространства и идея времени были отнесены Кантом к апри-

орным знаниям, хотя и это ошибочное представление.

С другой стороны Кант выдвинул идею априорных аналитических суждений, для которых опыт не нужен, якобы все аналитические суждения априорны, апостериорных аналитических суждений не бывает. В этом многие видят идеализм Канта, упуская из внимания то, что Кант отрицает априорность любых знаний, кроме знаний о пространстве и времени. Как могут быть априорны аналитические суждения, если все знания апостериорны? Это не противоречие Канта, просто Кант имеет ввиду разный опытный промежуток. Все знания возникают из опыта. Но потом, при анализе этих знаний, опыт уже как бы и не нужен, он уже есть, вот такие аналитические суждения Кант и называет априорными. Но, по сути, они всё же апостериорны, то есть строятся на уже полученном опыте, хотя непосредственный опыт для них уже не нужен.

Направив философскую мысль во внутренний мир мышления и разума, Кант как бы отворачивает философию от внешнего мира вообще, ограничивая её лишь внутренним миром человека. Так кажется многим исследователям, которые после Канта стали воспринимать философию как осмысление только внутреннего мира человека, его мышления, разума, сознания, его мировоззрения.

В этом ракурсе Кант предстаёт каким-то идеалистом, борющимся с идеализмом, и не понимающим сущности философии. Он поражается тому, что, несмотря на свои ты-

сячелетние усилия, философия, кроме нескольких логических аксиом, не открыла ещё никаких положений, признаваемых всеми философами в качестве очевидных. Это как раз и указывает на то, что Кант не понимал, что такое философия, тем более, – что такое научная философия и как она работает. Кант явился первой наиболее известной жертвой огульного отделения философии от науки, чего сам Кант никогда не делал. Кант был вполне серьёзным учёным, сделавшим ряд значимых открытий. К примеру, в своей работе «Всеобщая естественная история и теория неба» Кант выдвинул космогоническую гипотезу о происхождении Солнечной системы из первоначальной туманности. Сегодня эта гипотеза стала вполне доказанной научной теорией. Не менее значимая его работа: «Опыт введения в философию понятия отрицательных величин», в которой Кант «провёл различие между реальным и логическим противоречием, показав, что отрицание логических противоречий не означает отрицания реальных противоположностей (например, притяжения и отталкивания)». Но философам наиболее известны его работы философского направления: «Критика чистого разума», «Критика практического разума», «Критика способности суждения».

В «Критике чистого разума» Кант выдвигает программу «опровержения идеализма», направленную на подтверждение реальности вещей самих по себе. Он доказывает, что самосознание само по себе предполагает внешние объек-

ты; опровергает приоритет внутреннего опыта над внешним; опровергает догматический идеализм. Кант показывает, что объекты вне сознания могут быть непосредственно воспринимаемы через ощущения, и такой опыт является предпосылкой самосознания. Этим Кант хочет разрешить то положение, которое сам называл «скандалом в философии».

Программа «опровержения идеализма» Канта без преувеличения имеет важное значение для научной философии. Она опровергает приоритет внутреннего опыта, который доминировал в философии со времён Декарта, над внешним опытом; твёрдо устанавливает, что относительно внешних вещей (вещей в себе) тоже есть реальный опыт, а не одно только воображение разума; показывает, что самосознание не может не предполагать внешние объекты, что обращает «игру» разума идеализма против самого себя. По сути, этим он опровергает существование бога и отделяет религиозную философию от философии как таковой, тем более научной философии. В этом, и не только в этом, Кант выступает как твёрдый материалист. Кант заявляет: «Без чувственности ни один предмет не был бы нам дан, а без рассудка ни один нельзя было бы мыслить».

Но представители ненаучной идеалистической философии взяли у Канта лишь идеалистические идеи об априорности знаний. При этом сама философия после Канта многими стала рассматриваться как совершенно самостоятельное познание действительности, отличное не только от науки, но

и от всего остального, зависящее лишь от внутреннего мира человека и его желаний, его сознания.

Не нужно забывать, что Кант жил в религиозном обществе, и религия постаралась скрыть из его учения все материалистические идеи, выпятив на всеобщее обозрение только то, что подтверждало торжество идеализма. Из Канта они вынесли лишь то, что реальность – это вещь в себе, которую нельзя познать, поэтому философия не может ничему научить. Чего Кант никогда не утверждал. Но, к сожалению, ещё и сегодня находятся доктора наук (не только философских), утверждающие, что философия ничему не учит и неспособна ничему учить, что философия ничего не познаёт. Читали об этом? Думаю, многие читали. Это взгляд людей, не понимающих философии, видящих в ней только фиктивную идеалистическую сторону.

Желая понять философию в отрыве от наук, такие философы, естественно, не могут понять, что все науки – это всего лишь специализация научной философии. Выделение из научной философии всех наук как отдельных областей знания – это постоянный и неизбежный процесс, извечная практика научной философии. Эти науки отдельные не потому, что отделяются от философии, а потому, что специализируются внутри научной философии, занимают свою нишу и изучают свою область научных знаний. Так рождается вся наука. Без научной философии невозможна ни одна наука, никакие открытия, никакие аксиомы и положения. Кант

не отделял философии от науки, за него это сделали кантианцы, не понимающие философии.

Кант же, наоборот, назвал скандалом в философии то, что философию считают неспособной к познанию. При этом в рамках нашей темы стоит отметить также, что Кант не считал вопрос о первичности бытия и сознания «основным вопросом философии». Он изучал его как казус в философии, как скандал, не дающий понять философию, но не главный вопрос самой философии. При этом Кант (осознанно или нет) занимался основной проблемой философии и главным её вопросом, о чём будет ещё сказано ниже, когда будут указываться примеры решения основной проблемы философии и её главного вопроса разными философами. Повторяю, не Кант, а кантианцы и философиоведы тех времён окончательно отделили философию от науки, ограничив её рамками изучения сознания и бытия.

Как видим, после античности, благодаря стараниям религии и теософии, философию практически совсем оттеснили от науки, в результате чего философы совершенно перестали понимать, что же такое философия на самом деле, сама по себе как деятельность, перестали видеть в ней науку и научное осмысление действительности. Философия стала и не наукой, и не религией, а не пойми чем, что с необходимостью стало нуждаться в каком бы то ни было объяснении, но объяснений философы не находили. Тут и возник самый смешной, почти анекдотичный вопрос в истории фи-

лософии: «Что такое философия?», на который сами философы не могли ответить. В результате этой почти двухтысячелетней дискредитации философии философы до сих пор считают этот вопрос неопределённым, они до сих пор не могут понять того, чем они собственно занимаются. Вот это я бы и назвал самым настоящим скандалом в философии.

Закрепление философии в идеализме. Пятый этап войны философий

Итак, ко времени восхождения Гегеля на философский Олимп, философию уже традиционно не воспринимали как науку; античное понимание философии как общей науки начисто было стёрто из представлений даже профессиональных философов. Теперь философия рассматривается только как нечто отдельное от науки, особенно если она рассматривается в сравнении с науками. И нередко даже отделяется от научных методов познания. Выдумывается какое-то особое, философское познание.

Повторю, это метаморфоза произошла не с самой философией, а с представлениями о ней философов. И при этом все более менее значимые философы, осознанно или нет, всё равно стремились к научности, интуитивно чувствуя беспомощность философии без науки, их неразрывность, хотя часто не понимая эту неразрывность, не зная в чём она и почему она неизбежна.

Характерно, что все философы после античности упорно старались сделать из философии науку, напрочь забыв при этом, что философия, собственно, и есть наука, если речь не о фиктивной философии. Вот и Гегель тоже стремился сделать из философии науку. Но шёл в совершенно другом направлении. Он пытался открыть философию заново, изобрести колесо, не понимая, как и многие послеантичные философы, что научная философия – это и есть наука, «первая наука», как её называл Аристотель.

Советский философ, доктор философских наук, профессор, декан философского факультета МГУ М.Ф. Овсянников, автор ряда книг о Гегеле, в книге «Гегель» (изд. «Мысль», Москва 1971 г.) пишет, что:

«У Гегеля явно обнаруживается тенденция поставить философию над специальными знаниями, изобразить ее как «науку наук»».

Известно, что Гегель очень хотел из своей философской системы сделать самую настоящую «строгую науку», то есть, науку в прямом смысле этого слова. И хотя он не понимал, как это делается, он был уверен, что именно его философия является самой настоящей наукой. Мало того, Гегель объявляет, что на нём, собственно, философия кончается. Он открыл в философии всё, что можно.

Доктор философских наук, профессор М.Ф. Овсянников так пишет об этом:

«Заканчивается история философии Гегеля тем, что свою

философскую систему он объявляет конечным пунктом развития философской мысли. Им самим провозглашенный принцип развития, таким образом, разбивается о его догматическую систему».

При всём уважении к Гегелю и его заслугам в теоретических разработках философской мысли своего времени, придётся констатировать, что Гегель оказал наиболее пагубное влияние на дальнейшее понимание философии в целом и на понимание научной академической философии в частности. После Гегеля многие его идеалистические представления вошли в академическую философию как научные представления о философии, которые на самом деле являли собой не более чем идеалистические философские мифы.

Желая создать из философии науку, Гегель не понимал и не признавал, что философия по сути и есть наука. А наука – это концентрированная философия, её результат.

С одной стороны Гегель видел ненаучность существующей философии своего времени и надеялся её преодолеть. Поэтому он и желал сделать из философии науку, что похвально. С другой стороны, науку он считал не выше, а ниже философии, науку он называл рассудком, а философию разумом.

Не менее значимая ошибка Гегеля крылась уже в его языке, идеалистическом и религиозном по своему характеру, и по своей сути. Этим языком невозможно было создать из философии науку. Мало того, он сам себя запутывал сво-

им языком, отчего нередко впадал в противоречия. Немецко-американский философ и логик, один из ведущих представителей логического позитивизма (логического эмпиризма) Рудольф Ка́рнап в своих работах высказывал среди прочих небезосновательную мысль о том, что свойство самого языка философа влияет и на его мышление и на его работы, что понятно. Ведь мы мыслим так же, как и говорим. Язык Гегеля часто походил на искусственный, им же сознанный и порой казалось, что он труден даже для него самого. Недаром Шопенгауэр язвительно отзывался о его манере излагать свои мысли. Но не только это бесило Шопенгауэра. Видя, что во многих естественных науках Гегель, мягко говоря, не был хорошо осведомлён, Шопенгауэр называл его «господином невежей» за то, что судил о том, в чём плохо разбирался. Некоторые исследователи рассказывают об одной дискуссий, в которой Гегель не мог уяснить понятия животных функций, но продолжал упорствовать в своём невежестве. Профессиональный врач Лихтенштейн встал на сторону Шопенгауэра, но это ничего не дало. Не на пустом же месте Гегелю приписывают максиму: «если факты противоречат моей теории, тем хуже для фактов». Таков он был если не во всём, то во многом.

Однако, стоя на плечах предшественников, Гегель смог таки увидеть и признать факт того, что наука всё твёрже отделяется от философии, а философия – от религии. Только он не соизволил задуматься, почему так происходит. Кант

показал ему, что у философии ещё осталась огромная область неизученного внутреннего мира человеческого сознания, отличного от мира внешнего, от бытия. Гегель переосмыслил и вместил в свою теорию многие идеи Канта. Гегель, как и Кант, разделил мышление на рассудок и разум, что стало его ахиллесовой пятой. Это привело его к тому, что он ещё больше углубил пропасть между своей философией, которую хотел сделать наукой, и самой наукой. Кантовская вещь в себе превратилась у Гегеля в разум в себе – некое понятие Духа и Разума вне физического материального тела. Такой себе гегелевский философский бог на радость всех идеалистов. При этом, повторю, и Кант, и Гегель хотели сделать из философии самую настоящую строгую науку, что похвально, даже несмотря на то, что желаемого они не добились и не могли добиться из-за своих идеалистических представлений.

Гегель критикует учение Канта об априорных знаниях как «некритическую классификацию ходячих представлений» о мышлении. Но в данном случае Гегель даже Канта переворачивает с ног на голову. Как указывалось выше, у Канта к априорным знаниям относятся только знания о пространстве и времени. Других априорных знаний Кант не обнаружил. Хотя даже знания о пространстве и времени не являются априорными. Гегель же вообще все знания полагает априорными, существующими у Духа до всякого опыта.

Среди прочих порочных идей Гегель выдвинул идеали-

стическое утверждение о том, будто в совершенном государстве дух объективируется как действительность и из этой объективации возвращается к себе и проявляется как дух абсолютный на трёх уровнях: искусства, религии и философии. Удивительно, что не только идеалисты, но и материалисты поверили в эти «три уровня» и стали перетаскивать их из книг в книги. Отсюда и пошло, и до сих пор пребывает в академической философии идеалистическое (ненаучное) ходячее представление о том, что философию нужно сравнивать с религией, искусством и наукой. Эта нелепость вошла почти во все учебники философии. Студентов до сих пор заставляют учить эту глупость, как истину! Тем не менее, это совершенно необоснованное, ненаучное сравнивание философии, основанное лишь на идеалистических представлениях самого Гегеля, который скверно понимал и философию, и науку.

Наиболее значимое, что создал Гегель, это его диалектическая система, которая, к сожалению, тоже была идеалистической, поставленной с ног на голову, как указывал Маркс. Но именно эту систему Гегеля переняли Маркс с Энгельсом, переработав её из идеалистических представлений в материалистические, получив диалектический исторический материализм. То есть, поставив её с головы на ноги, как положено.

Не менее значимо, – в том числе для нашей темы, – то, что Гегель, возможно первый из философов (хотя тут я сомневаюсь) ставит вопрос о твёрдом делении философии на

идеализм и материализм, который он называет реализмом.

Рассматривая вопрос бытия и сознания, Гегель, утверждает, что философия «распадается на две основные формы разрешения этой противоположности (между мышлением и бытием) – реалистическую и идеалистическую философию…».

Реализм Гегель рассматривает как направление, в котором объективность и содержание мысли возникают из восприятия. Объектом реализма является физическая природа, из наблюдения над которой извлекают законы и на этом базисе основывают знание. Это, по сути, материализм.

Идеализм Гегель рассматривает как направление, в котором мышление самостоятельно, независимо от физической природы, бытия. То, что в первом случае черпается из опыта, во втором случае – черпается из мышления, как бы до опыта, a priori.

В этих двух противоположных направлениях Гегель видел два основных пути решения фундаментальной философской антиномии. Но в своей собственной системе диалектического идеализма он попытался преодолеть крайности обоих подходов, найти синтез. Решая эту проблему, Гегель приходит к выводу, что всякая философия по своей сути является идеализмом (имеет идеализм своим принципом). В «Философии права» он пишет: «Противоположность идеалистической и реалистической философии не имеет поэтому никакого значения. Философия, которая приписывала бы конеч-

ному существованию как такому истинное, последнее, абсолютное бытие, не заслуживала бы названия философии». Это и не удивительно, т.к. Гегель считал, что главный предмет философии – это «всеобщее, бесконечное» (что тоже переняли марксисты), значит, предмет философии – мысль, то есть, нечто идеалистическое, ведь «мышление по своей сущности в себе бесконечно», считал Гегель. Материализм же, он считал не подлинной философией. То есть, по сути, фиктивную философию он считал научной, а научную – фиктивной. Таков Гегель был почти во всём.

Так вот как раз идея дуальности Гегеля и указание на её историчность Фейербахом послужили Энгельсу толчком к выдвижению его «основного вопроса философии». Энгельс воспринял эту идею Гегеля как нечто основополагающее для философии. Он ошибся. Эта идея, конечно, значима для философии, для познания в целом, для выбора позиции в мировоззрении. Но к основе философии и к главному вопросу философии она не относится. Она вообще относится не столько к философии как таковой, сколько к философам, к тому, на каком уровне они понимают философию.

Тем не менее, это деление значимо для научной философии, потому что именно оно делит философию на научную и ненаучную. Но Энгельс, к сожалению, как раз на это и не обращает никакого внимания, чем открывает дорогу ненаучной философии в науку, в научную философию. И это было гораздо пагубнее, чем просто объявление этой идеи основ-

ным вопросом философии.

Но мы ещё не выяснили, почему Энгельс ухватился за эту идею. То, что она отделяет материалистов от идеалистов – это понятно, это на поверхности. Но почему именно её он объявляет основным вопросом философии, а не просто вопросом отделения идеализма от материализма, ненаучного мышления от научного? Пока мы только подходим к этому пониманию, уяснив, что после Канта и ко времени рассвета Гегеля с его учением философия в умах не только учёных и философов, но и многих других людей уже была твёрдо отделена от науки. Гегель же только усилил это разделение, снобистски объявив науку – рассудком, а философию – разумом, особенно свою философию, которую сам мечтал сделать наукой (рассудком, в его понимании). Однако в итоге он пришёл к тому, что амбициозно заявил: «Если факты противоречат моей теории, тем хуже для фактов». Какая уж тут может быть наука. А факты его теории ещё как противоречили.

Увы, Гегель не смог понять, что такое философия. При всех имеющихся материалистических идеях, которые несомненно у Гегеля есть, он переплёвывает в идеализме даже Канта. Гегель довольно противоречиво представлял себе философию.

С одной стороны он считал, что вся наука входит в философию. И в этом он был совершенно прав. Об этом говорит и филоистика. С другой стороны, он считал, что наука –

это рассудок, а философия – это разум. То есть, – довольно жестко разграничивал их.

С одной стороны у Гегеля обнаруживается явная тенденция поставить философию над специальными знаниями, изобразить её как «науку наук». Поэтому он и из своей теории хотел сделать именно науку. Самую строгую науку. И в этом Гегель тоже оказался совершенно прав. Философия в определенном смысле и есть наука наук. Но только не вся философия, а лишь научная философия. В широком смысле она и есть наука наук. С другой стороны, утверждал, что наука не есть философия, ставил её ниже философии. И тогда странно выглядит его желание сделать из философии именно науку.

С одной стороны высказывал абсолютно правильную мыль о том, что вся философия жёстко делится на идеалистическую и реалистическую (материалистическую). За эту мысль и уцепился Энгельс в своём «основном вопросе философии». С другой стороны в своей же философской теории не может различить идеализма от материализма, перемешивая одни мысли с другими и запутывая себя и последователей, превращая всю свою теорию в идеалистическую с материалистическими вкраплениями.

С одной стороны он пишет о том, что философия является как бы отражением эпохи, разрабатывает свою систему истории философии. Некоторые исследователи пишут даже, что «Гегель впервые поставил вопрос о связи философии с

современной ей эпохой, с историческими условиями, с государством, культурой, искусством. А поскольку исторические условия меняются, то претерпевают изменения и философские теории» (М.Ф. Овчинников «Гегель», 1971 г.). Хотя не Гегель впервые поставил вопрос о связи философии с современной ей эпохой. Об этом писали ещё античные авторы (Платон, Аристотель и др). Хотя Гегель, возможно впервые, уделил этому больше внимания и связал с концепцией истории философии. С другой стороны **Гегель утверждает, что он подвёл заключительную черту под всей историей философии, что философия как таковая закончилась именно в его эпоху, в Германии**. Это снова противоречие самому себе. Ведь история на нём не закончилась. И таков Гегель во всём, это метание Гегеля из одной крайности в другую характерно для всего его творчества.

Поэтому отдельные идеи Гегеля с восторгом воспринимали как материалисты, так и идеалисты, ведь у него намешано всего достаточно: всем сёстрам по серьгам, и нашим и вашим. Одного только Гегель не учёл. Ложка дёгтя портит всю бочку мёда. Так его идеализм сделал ненаучной всю его философскую теорию. Своей неспособностью преодолеть идеализм он сам разрушил свою мечту сделать из своей философской системы науку.

В итоге философию он представил не только как нечто совершенно отличное от науки, но даже как нечто противоречащее ей. Он полагал, что наука никак не может понять фи-

лософии, потому что наука – это рассудок, который не в состоянии понять разума – философии. Наука это якобы частное, которое не может понять общее – философию. Вот такое непреодолимое различие философии и науки выдвигает Гегель. При этом напомню, Гегель мечтал из своей философской системы сделать строгую науку. То есть, противоречил сам себе. Для философии он оставил лишь исследование работы сознания, внутреннего мира человека. Все другие вопросы его не особо интересовали, он считал их прерогативой частных наук. Поэтому и работы Гегеля касались в основном внутреннего мира, работы мышления: «Феноменология духа», «Наука логики», «Философия духа» и т.п. Даже в «Философии природы» он рассматривает природу как производное от духа, от идеи. Поэтому Гегель делает массу ошибок, когда берётся рассуждать в своих работах о частных науках; он слабо их знает.

Со времён Гегеля многие стали полагать, что философия действительно закончилась, что для неё не осталось больше тем, что наука и обществоведение уже охватили все вопросы, что философия возможна только как учение о внутреннем мире человека, учение о сознании, мышлении, мировоззрении, первоначале. Также с подачи Гегеля многие философы (даже материалисты) стали считать, что сознание есть только у человека. С подачи Гегеля многие философы стали полагать, что философия схожа с религией и искусством; а вот частными науками, или политикой и экономикой она

не занимается, не царское это дело, она выше всего этого. С подачи Гегеля многие философы стали думать, что философия занимается только общим, а не частностями, что она – разум, а это всё – мелочь, рассудок. Многие, особенно гегельянцы, и сегодня так рассуждают.

Проблема понимания философии материалистами и марксистами

Так как Гегель в своё время был чрезвычайно популярен, то не удивительно, что после Гегеля такое представление о философии переняли не только идеалисты, но и многие материалисты. Они тоже стали считать, что философия и наука – это нечто совершенно разное, что философия занимается только общими вопросами, что её интересует только внутренний мир человека, проблемы мышления, сознания, соотношения бытия и сознания, вопросы о том, что первично, познаваем ли мир. Что сознание есть только у человека. Что философию нужно сравнивать с религией и искусством. Многие соглашались и с тем, что философия как бы уже закончилась, что для неё уже нет познавательных тем. Что все прочие вопросы – это уже прерогатива науки.

К примеру, ещё до Маркса и Энгельса во многом так относился к философии Фейербах, хотя сам он был одним их первых и вполне серьёзных критиков Гегеля. Можно сказать, он наголову разбивал некоторые идеалистические и религи-

озные идеи Гегеля, однако тоже полагал, что в философии уже почти не осталось тем для осмысления, кроме тех, на которые указывает Гегель.

Другим не менее известным критиком Гегеля, как известно, был Шопенгауэр, хотя и он тоже подпал под влияние некоторых его идей, например, считал философию ближе к искусству, чем к науке; при этом сам, как и многие (как и Гегель, как и Фейербах) хотел сделать из своей философии именно науку. Он даже пишет полемический трактат «Об университетской философии», в котором резко критикует университетскую систему преподавания философии, считая её губительной для свободного философского поиска. И если сегодняшняя университетская система преподавания философии далека от научной системы, научного подхода к изучению и преподаванию философии, и губительна для самой философии, то можно представить, как грустно она выглядела во времена Шопенгауэра.

Поэтому не удивительно, что во многом именно так стали относиться к философии и Маркс с Энгельсом, ведь они сами, по сути, «вышли из гегелевского учения» (из гегелевской «шинели»).

Потому так произошло? Почему даже материалисты восприняли многие ложные идеи Гегеля, как верные? Причина в том, что при твёрдом идеализме Гегеля, в его учении было всё же немало вполне серьёзных материалистический идей. Если бы у Гегеля вообще не было бы никаких матери-

алистических взглядов, он вряд ли заинтересовал бы Маркса с Энгельсом и научную философию вообще. Но при этом, в его учении идеализм и материализм так сильно перемешан в едином винегрете разных идей, что понять и отделить одно от другого довольно трудно. К тому же традиционное, веками воспитанное представление философии как метафизики, сильно влияло на осмысление самого феномена философии в научном её понимании.

Поэтому не удивительно, что Гегелевское представление о философии было перенято и Марксом с Энгельсом, причём, Энгельсом в большей степени, чем Марксом. Они тоже считали, что на Гегеле философия практически закончилась, что для неё не осталось больше областей изучения, что наука и обществознание уже охватили все значимые вопросы мироздания; что философия возможна только как учение о внутреннем мире человека, о сознании, мышлении, мировоззрении; они тоже считали, что сознание есть только у человека; что философия схожа с религией и искусством; что философия занимается только общими вопросами, а не частностями, и т.п.

Отчасти это было причиной тому, что свою политико-экономическую систему ни Маркс, ни Энгельс нигде не называют философией или философской системой. Они называют её только наукой и научной системой. Они не относили её к философии. Называть марксизм философией стали позднее, после того, как Плеханов назвал марксизм философи-

ей. При этом Плеханов ясно показывал, почему именно философия того времени хорошо уживалась и идеализмом, и почти не уживалась с материализмом. В статье «Cant против Кант» Плеханов пишет, что философия «отлично уживается с религией, между тем как материализм решительно и непримиримо враждебен ей». В философии того времени господствовала религия, идеализм.

У Ленина, кстати, тоже сохраняются многие из названных гегелевских взглядов на философию. Обратите внимание на то, что я тут ни словом не упоминаю диалектику, потому что речь не о ней. Речь только о том, как понимали философию сами философы, как они к ней относились.

Например, яркий критик Гегеля Фейербах в труде «Основные положения философии будущего» и в некоторых других своих работах не без оснований считал, что философия Гегеля как и вся классическая немецкая философия во многом изжила себя, поэтому требуется радикальный поворот в философии. А радикальный поворот в идеалистической философии может быть только один – к материализму. Опровергая Гегеля, который всё выводит из идеи, Фейербах оппонирует: «Не было бы природы, никогда логика, эта непорочная дева, не произвела бы её из себя».

Свою философию Фейербах называет «философией будущего». Он рассматривает природу как высшую реальность, а человека – как высший продукт природы, и ставит его в центр мира. Фейербах полагал, что человек и природа

должны быть единственным предметом философии. Человека же он рассматривает как «универсальный и высшей предмет философии». Фейербах отрицает дуализм души и тела, утверждая единство духовного и материального, субъективного и объективного, мышления и бытия.

Также Фейербах говорит о союзе философии и естествознания, то есть союзе с науками. Это опять же показывает, что до него в умах философов наука и философия были разделены. Прогрессивные мысли Фейербаха в философии своего времени были с восторгом встречены Марксом и Энгельсом. Но многое в понимании философии у них осталось гегельянским. Например, идея о том, что вся история философии вращается вокруг вопроса «об отношении духовного к материальному». В «Лекциях о сущности религии» он задавался вопросами: «Как мышление относится к бытию, как логика относится к природе?». Это вопросы перенял и Энгельс.

Тем не менее, переосмысление Фейербахом всей философской системы Гегеля дало возможность Марксу материалистически подойти к историческому процессу развития человечества и организации обществ, вскрыть нащупанную Фейербахом бытийную, приземлённую материальную основу всех религиозных представлений и философских понятий. Но и Маркс, и Энгельс, всё же, видели философию лишь в рамках метафизики, чем-то схожей с религией, отдельной от науки и чуть ли не чуждой ей.

Проблема понимания философии Энгельсом

Повторяю, в большей степени гегельянских взглядов на философию придерживался Энгельс, а не Маркс. Под влиянием идей Гегеля, Энгельс во многом сузил философию до мировоззренческих понятий, до вопросов мышления, сознания и бытия, до вопросов идеализма и материализма, вопроса первопричины, вопроса познаваемости действительности. То, чем занимались они с Марксом, Энгельс считал не философией, а научной политэкономической теорией.

Это объясняет, почему для Энгельса вопрос об идеализме и материализме становится центральным вопросом представлений о философии. Он воспринял у Гегеля идею об основном делении философии на идеализм и реализм, как основную проблему самой философии, а не философов. Это была ошибка Энгельса.

Заметим, что сам Гегель не называл деление философии на идеализм и реализм (материализм), или вопрос бытия и сознания, или вопрос первопричины, – главным вопросом всей философии. Он просто указал, что вся философия делится на идеализм и рационализм (материализм). И указал очень верно! Это деление мы видим с античности. Но это не является основной проблемой философии. Это является лишь её основным делением, главным шлагбаумом, твёрдо отделяющим одно от другого.

Однако не только Гегель не называл это деление «основным вопросом философии». Этого не делал и Маркс (Энгельс высказал эту свою идею уже после смерти Маркса), этого не делал и Ленин. Они не считали вопрос главным для всей философии. А Ленин так вполне однозначно указывает, что данный вопрос касается лишь гносеологии, то есть, не всей философии, не всех её областей, а лишь одного её направления. Следовательно, этот вопрос никак не может быть главным для всей философии. Он является лишь вопросом понимания философии конкретным философом. То есть, этот вопрос касается не философии как таковой, а философов, их уровня подготовленности, уровня понимания философии в целом. Но, как ни странно, последователи марксистско-ленинского учения согласились не с ними, а с Энгельсом. Марксисты оказались энгельсистами.

Давайте подробнее рассмотрим, как Энгельс приходит к мысли о том, что вопрос об идеализме и материализме, о бытие и сознании – это «основной вопрос всей философии». Этот свой знаменитый тезис он высказывает в одной своей работе, краткое название которой – «Анти-Дюринг».

В «Анти-Дюринге» Энгельс постоянно отделяет философию и её вопросы не только от науки, но и от вопросов политики и политической экономики, то есть, от тех вопросов, которыми они с Марксом непосредственно занимались. В «Анти-Дюринге» Энгельс подчёркивает, что философия отличается от других наук о природе тем, что её предмет –

это бытие и мышление, их отношение. Отсюда становится ясно, почему Энгельс именно этот вопрос назвал «основным философским вопросом».

То есть, мы видим, что Энгельс смотрит на философию глазами Гегеля. Вопросы экономики ни Маркс, ни Энгельс философскими не считали, они их считали только научными. Они считали, что занимаются наукой. Как уже указывалось, позднее Плеханов относит их экономическую теорию к философской теории. С тех пор марксизм более-менее широко стали называть философией. Сами же Маркс с Энгельсом этого не делали, потому что на философию они смотрели как гегельянцы.

В «Анти-Дюринге» в сноске на одной из страниц (т. 20, с. 23, сноска под звёздочкой) Энгельс пишет:

«Гегелевская система была последней, самой законченной формой философии, поскольку философия мыслится как особая наука, стоящая над всеми другими науками. Вместе с ней потерпела крушение вся философия».

Можно сказать, что тут Энгельс прав и неправ одновременно.

Неправ в том, что гегелевская система явилась «самой законченной формой философии». Это, конечно, ошибка. Неправ и в том, что она «была последней» (если, конечно не иметь ввиду, что она была последняя на тот момент). Неправ и в том, что философия какая-то «особая наука, стоящая над другими науками». То, что философия может охваты-

вать все науки, науку в целом, исследовать как бы взгляд сверху на всю науку, – это вовсе не значит, что она стоит «над науками», или что она «особая наука». Конечно, иносказательно можно использовать оба этих понятия, но если рассматривать их строго, то оба они становятся ложны, либо требуют специальных оговорок, что опять же делает их иносказательными.

Но прав Энгельс в том, что «вместе с ней», с этой философской системой Гегеля, «потерпела крушение вся философия». Вот это крушение всей философии от системы Гегеля Энгельс угадал довольно точно. Хотя Энгельс и не понял, почему так. А потерпела крушение вся философия потому, что сама гегелевская система была колоссом на глиняных ногах, который неизменно должен был развалиться. Ошибся Энгельс только в том, что под «всей философией» нужно было понимать не философию как таковую, а сложившееся на то время представление философов о «всей философии». Вот оно-то как раз и потерпело крах. И до сих пор терпит. До сих пор, когда гегелевскую систему пытаются пропихнуть в научную философию, философы перестают понимать, что же такое философия сама по себе. В этом и есть вред гегелевской системы, вред Гегеля для философии. Но вернёмся к Энгельсу.

Энгельс в «Дюринге» пишет:

«Остались только диалектический способ мышления и понимание всего природного, исторического и интеллекту-

ального мира как мира бесконечно движущегося, изменяющегося, находящегося в постоянном процессе возникновения и исчезновения».

Здесь Энгельс совершенно прав. Он указывает на то, что даже внутренний мир человека, его мышление, его интеллектуальный мир – это, по сути, мир бесконечного движения, изменения, процесса перемен. Об этом писал и Гегель, развивая идеи диалектики. Об этом писали и античные философы. Вспомним: «всё течёт, всё изменяется». Ничего нового в этом, как бы нет. Есть только новое осмысление этого процесса бесконечного движения. Ошибка возникает лишь тогда, когда этим ограничивается понимание всей философии.

И всё же Энгельс не хоронит философию, он ставит перед ней новое требование:

«Теперь не только перед философией, но и перед всеми науками было поставлено требование открыть законы движения этого вечного процесса преобразования в каждой отдельной области. И в этом заключалось наследие, оставленное гегелевской философией своим преемникам».

Здесь Энгельс тоже прав, если рассматривать этот вопрос, как отдельный и важный вопрос философии, но не единственный, и, конечно, не главный. Впрочем, Энгельс и указывает, что это вопрос лишь гегелевского наследия для его преемников. Хотя как раз гегельянцы в этом вопросе после Гегеля не продвинулись ни на шаг.

Однако отметим, что и тут мы видим разделение Энгельсом философии и науки на разные деятельности: «не только перед философией, но и перед всеми науками». Это характерно для непонимания сущности и сути философии.

Энгельс писал, что Маркс был и остаётся единственным человеком, который мог взять на себя труд высвободить из гегелевской логики то ядро, которое заключает в себе действительные открытия Гегеля в этой области, и восстановить диалектический метод, освобождённый от его идеалистических оболочек, в том простом виде, в котором он и становится единственно правильной формой развития мысли.

Во «Введении» к «Анти-Дюрингу» Энгельс высказывал принципиальное положение:

«Уразумение того, что существующий немецкий идеализм совершенно ложен, неизбежно привело к материализму, но, следует заметить, не просто к метафизическому, исключительно механическому материализму XVIII века. В противоположность наивно революционному, простому отбрасыванию всей прежней истории, современный материализм видит в истории процесс развития человечества и ставит своей задачей открытие законов движения этого процесса. Как у французов XVIII века, так и у Гегеля господствовало представление о природе, как о всегда равном себе целом, движущемся в одних и тех же ограниченных кругах, с вечными небесными телами, как учил Ньютон, и с неизменными видами органических существ, как учил Линней; в про-

тивоположность этому представлению о природе современный материализм обобщает новейшие успехи естествознания, согласно которым природа тоже имеет свою историю во времени, небесные тела возникают и исчезают, как и все те виды организмов, которые при благоприятных условиях населяют эти тела, а круговороты, поскольку они вообще могут иметь место, приобретают бесконечно более грандиозные размеры».

Здесь пока мы соглашаемся с Энгельсом, потому что он прав, отбрасывая идеализм в сторону ложных идей и отделяя метафизический, механический материализм от научного материализма, который они с Марксом разрабатывали. Но далее мы видим, как Энгельс «с водой выплёскивает и ребёнка», то есть, с ложными идеалистическими идеями отбрасывает и философию. Это и даёт нам основание утверждать, что Энгельс видит философию только как нечто идеалистическое, то есть, понимает её как идеалист, а не материалист. Он пишет:

«В обоих случаях современный материализм является по существу диалектическим и не нуждается больше ни в какой философии, стоящей над прочими науками».

В оправдание Энгельса здесь можно было бы сказать, что он выступает лишь против старой идеалистической философии, или против философии, претендующей на создание «законченных философских систем, охватывающих всю совокупность человеческих знаний о мире» и поэтому «стоя-

щую над прочими науками», если бы он не указывал, что философия ему именно так и представляется, то есть: «мыслится как особая наука, стоящая над всеми другими науками». Такую философию Энгельс объявляет ненужной. Почему она для Энгельса становится ненужной? Он пишет:

«Как только перед каждой отдельной наукой ставится требование выяснить свое место во всеобщей связи вещей и знаний о вещах, какая-либо особая наука об этой всеобщей связи становится излишней. И тогда из всей прежней философии самостоятельное существование сохраняет еще учение о мышлении и его законах – формальная логика и диалектика. Все остальное входит в положительную науку о природе и истории».

Во-первых, мы видим, что тут Энгельс опять показывает, что для философии он оставляет лишь «учение о мышлении и его законах – формальная логика и диалектика». Так в его время представляли философию многие. Это показывает непонимание философии как целостного явления, потому что это ограниченный взгляд на философию. У некоторых он присутствует и сегодня.

Во-вторых, Энгельс ошибочно полагает, что если каждая наука будет понимать «своё место во всеобщей связи вещей и знаний о вещах», то становится излишней философия как наука об этой всеобщей связи. Он не понимал, что мало конкретным наукам знать указанную связь и своё место в этой всеобщей связи, что необходимо ещё сформиро-

вать правильное мировоззрение человека, и не только учёного человека, но и вовсе не занимающегося науками. А формирует мировоззрение не какая-то частная наука, но только философия. В этом её основная задача, она выполняет мировоззренческую функцию, которую не может заменить никакая другая наука. Но главное, чего ещё не понимал Энгельс и почти все философы его времени, и чего не понимают многие философы до сих пор, – это того, что каждая наука, по сути, и есть философия, занимающаяся ограниченной областью знаний, сосредоточившая своё внимание в рамках определённых научных познаний. Любая наука – это специализация научной философии. Явление философии гораздо шире, чем это представлял Энгельс и все те, кто отделяет философию от науки или других областей познаний.

Поэтому «основной вопрос философии» Энгельса касается не всей философии, как он наивно полагал, и как неверно полагают энгельсисты, считающие себя марксистами. Он касается лишь той её части, которую Энгельс представлял всей философией: «из всей прежней философии самостоятельное существование сохраняет ещё учение о мышлении и его законах». В этих рамках вопрос бытия и сознания, действительно, актуален и может охватить «всю философию», но только ту, которую оставил Энгельс как «самостоятельную». Поэтому и свою экономическую теорию ни Маркс, ни Энгельс философией не называли, ведь она касалась изучения экономики и политики, а не изучения мышления.

Безусловно, логика и диалектика как учения о законах мышления являются частью научной философии. Также безусловно и то, что способность правильно мыслить влияет на все знания вообще, исходя из чего можно подумать, что это влияет и на остальные разделы философии. На самом же деле это влияет вовсе не на философию, а на представление о ней. В зависимости от правильного или неправильного мышления человек может верно или неверно представлять себе философию, но от его неверных представлений сама философия не страдает, страдают лишь его знания. Следовательно, это не может быть проблемой философии, но может быть проблемой для философа, а через него и для философской академической дисциплины, если этот философ является также учёным философом. Вот где проблема.

Интересен также вопрос отношения Энгельса к материализму мировоззрению как таковому. В своих работах «Диалектика природы», «Людвиг Фейербах», «Анти-Дюринг» он высказывал мысль о том, что «современный (диалектический) материализм» перестал быть традиционной философией: «Это вообще уже больше не философия, а просто мировоззрение, которое должно найти себе подтверждение и проявить себя не в некоей особой науке наук, а в реальных науках».

Во-первых, мы тут снова видим, что философию Энгельс по устоявшейся традиции считает какой-то «особой наукой», отдельной от «реальных наук», и этот миф до сих пор

повторяют учёные философы и авторы учебников по философии.

Во-вторых, не может быть «просто мировоззрения», о котором пишет Энгельс. Это нонсенс. Мировоззрение формирует философия. Это её основная задача, имеющая в себе мировоззренческую функцию как главную. И есть два основных типа мировоззрения: научное и ненаучное. Просто мировоззрения не бывает. Ненаучный тип мировоззрения имеет в себе множество видов мировоззрений, самый распространённый из которых – религиозный. Научное мировоззрение всегда характеризуется атеизмом и материализмом. Поэтому материализм – это не отдельное мировоззрение, а одна из значимых характеристик научного мировоззрения. Невозможно быть материалистом или атеистов, не имея никаких научных познаний. Научная философия и научные знания порождают атеизм и материализм, а не наоборот. Поэтому не может быть материализма без философии и науки, как какого-то отдельного «просто мировоззрения». Идеи материализма всё ещё имеют свой адрес в философии, причём не только в научной, материалистической, но и идеалистической; в последней, в качестве объекта критики.

Что касается главного вопроса философии, то здесь можно сказать, что неоценимая заслуга Энгельса в том, что он вообще догадался поставить такой вопрос. Пусть неверно, т.к. неверно представлял себе саму философию, но, всё же, он понял, что у философии должен быть главный вопрос, ко-

торый значительнее всех остальных философских вопросов. Только за одно это Энгельсу нужно ставить памятник. Хотя сам вопрос он определил неверно. Его главный вопрос – это вопрос не философии, а вопрос верного или неверного представления о философии, то сеть, вопрос деления философии на научную и ненаучную. Тоже важный и необходимый.

Энгельс и Маркс хотя и писали о том, что Гегель поставил диалектику с ног на голову, хотя и критиковали его, создавая материалистическую диалектику, но на философию оба смотрели во многом глазами Гегеля. Это и не дало им возможности понять, что же такое философия сама по себе.

При этом Маркс совершенно верно пишет о том, что философы должны не только познавать мир, но и менять его. Он даже не осознал, что именно этот вопрос является основной проблемой всей философии и неизбежно порождает главный вопрос философии: «Как менять мир, чтобы сделать жизнь лучше?».

А ведь по сути именно этот вопрос и решали Маркс с Энгельсом. Они как раз и занимались основной проблемой философии, пытаясь ответить на главный её вопрос. Но Энгельс со своим «основным вопросом» смог всех запутать и отвлечь внимание от основного, от переустройства мира в лучшую сторону. Вместо этого он решил, что для философии главное: что было раньше яйцо или курица, бог или природа, бытиё или сознание. Нет, этот вопрос касается только знания наук. Но научным может быть и капитализм. Что ог-

ни же сами и доказали своей теорией.

Основная же проблема философии совершенно в другом, в том, что человека не устраивает та экономика, в которой он существует. Его не устраивает базис, а не надстройка. Экономика не устраивает как материалистов, так и идеалистов, как атеистов, так и боговеров. Следовательно, это и есть проблема всей философии, как научной, так и ненаучной. Отсюда и возникает главный вопрос философии: «Как изменить жизнь, чтобы создать лучший мир?» Каким должен быть идеальный мир? Вопрос о коммунизме. Вот главный вопрос для всей философии и всех философов. А верите вы в бога, или не верите, – это вопрос к образованию, вопрос уровня интеллекта.

Поэтому полагаю, что Маркс как философ на голову выше Энгельса. Маркс улавливал главное: мало познавать мир, надо его менять! Энгельс же считает главным предельное познание: что первично, познаваем ли мир. То есть, Энгельс тут выступает как идеалист: первично знание, идея, надстройка, главное – знать предельное, далёкое. Маркс же тут выступает как твёрдый материалист: первичен опыт, бытиё, главное – не предельное, а то, что здесь и сейчас, быт, экономика, базис. Знания без практики мертвы.

Проблема понимания философии сегодня. Современная война философий

Как ни странно, но идеалистические взгляды Гегеля на философию во многом сохранились и сегодня среди современных философов, причём, не только среди идеалистов, но и среди многих материалистов.

Например, что сознание есть только у человека; что философия схожа с религией и искусством, и что именно с ними надо сравнивать философию; что философия занимается только общим, а не частностями; что частными науками, или политикой и экономикой философия не занимается; что философия и наука – это разное, что философия – это разум, а наука – это рассудок; что для философии осталась только область сознания, только вопрос отношения сознания и бытия, их первичности и познаваемости мира. Все эти и им подобные заблуждения – прямое наследие Гегеля. И «основной вопрос философии» Энгельса явился результатом этих заблуждений.

Но до сих пор «основной вопрос философии» марксисты и материалисты рассматривают только в трактовке Энгельса, не понимая его идеалистическую основу и мировоззренческий, а не философский характер. Во всех учебниках пишут о том, что это и есть «основной вопрос философии», хотя это ошибка.

Некоторые учёные философы всё же замечают ошибки Энгельса, хотя и побаиваются называть их категорично и однозначно.

Например, доктор философских наук Д.А. Гусев пишет:

«То, что мировоззренческим спутником идеализма являются религиозные идеи, а спутником материализма является атеизм, в силу чего… сама постановка «основного вопроса философии» и поиск ответов на него тесно связаны с многовековой полемикой между теизмом и атеизмом, между верующими и неверующими; поэтому усомниться в мировоззренческой роли и значении «основного вопроса философии» невозможно, несмотря на то, что в настоящее время он не пользуется популярностью в философских кругах, – вплоть до утверждений, согласно которым этот вопрос устарел или даже вообще никогда не являлся философским вопросом, а был идеологическим штампом советской эпохи».

То есть, тут высказывается мнение, что ОВФ Энгельса и вовсе не относится к философии, а просто является «идеологическим штампом», и теперь не особо «пользуется популярностью в философских кругах», или вообще является лишь мировоззренческой конструкцией.

Но какую бы популярность в философских кругах не имел ОВФ Энгельса, а всё же вопрос о главном вопросе философии и основной её проблеме учёные философы должны себе задавать, если они философы. Кроме того, чтобы говорить о мировоззренческой роли ОВФ Энгельса, нужно сначала понять, что такое мировоззрение и как оно формируется, что его формирует. А формирует мировоззрение именно философия. Мировоззренческая задача – это главная задача философии. Поэтому невозможно изъять мировоззрение из

философии. Как же философия формирует мировоззрение? Только одним способом: посредством воспитания и образования. Как человека воспитали и образовали, так он и будет думать, такое у него и мировоззрение. Вот отсюда и нужно танцевать, рассуждая об ОВФ Энгельса. Это вопрос образования, а не философии. Вопрос знаний.

Ведь если человека как материалиста, то он будет считать, что первично бытиё. А если воспитали как идеалиста, то он будет думать, что первично сознание. Энгельс считает это разное понимание «основным вопросом философии». Но где тут философия, когда речь о воспитании? В таком случае, философия должна преподаваться с детского сада, если это ОВФ, а не вопрос воспитания и образования.

Высказывает своё несогласие с Энгельсом и доктор философских наук А.Н. Муравьёв, который пишет:

«Со вторым пунктом я согласиться не могу – прежде всего на том основании, что, формулируя его, Энгельс явно разделяет две иллюзии. Во-первых, гегелевскую иллюзию о том, что его системой завершается не только историческое развитие философии, но и развитие философии вообще. Во-вторых, позитивистскую иллюзию о том, что положительные науки в принципе могут обойтись без философии («наука – сама себе философия», считают позитивисты). Кроме того, следует заметить, что свою диалектико-материалистическую точку зрения Энгельс опрокидывает на историю философии, а это, по крайней мере, не исторично».

Это притом, что в целом А.Н. Муравьёв согласен с Энгельсом в «основном вопросе философии».

Тут соглашусь с Муравьёвым в том, что Энгельс ошибся, полагая, что с Гегелем философия закончилась. Эту идею вбросил в массы сам Гегель и её подхватили многие. В некоторой степени и Фейербах, и Маркс с Энгельсом. А по сути, идея состояла в том, что философия практически уступила место естественным и общественным наукам. Именно как общественную науку и стали воспринимать свою теорию Маркс с Энгельсом, поэтому и не называли её философией.

В общем и целом, Гегель верно увидел, что философия, которую он знал, практически на всех направлениях знаний уступила место естественным и общественным наукам. Ошибся он только в одном. Он перепутал философию и то представление о философии, которое царило в его время. Вот это представление и потерпело крах. И продолжает терпеть этот крах до сих пор, разнося в научной философии свои устаревшие мифы со времён Гегеля. Такое же устаревшее представление о философии и у самого Муравьёва, и у Гусева, и у многих других современных философов, которые всё ещё смотрят на философию глазами Гегеля или Энгельса. Действительная же философия ничуть не страдает от развития наук, т.к. они, собственно, и являются её постоянной и вечной практикой, её результатом, её продуктом.

Также верно Муравьёв тут указывает на ошибку позитивистов того времени, которые считали, что «положительные

науки в принципе могут обойтись без философии». Но! То, что «наука – сама себе философия», – это совершеннейшая истина! И тут уже ошибается сам Муравьёв. Он не понимает, что любая наука – это всего лишь специализация философии в определённой области. Это прекрасно доказывает филоистика на многих примерах и фактах. То есть, то, что «науки могут обойтись без философии» – это ложное утверждение, а то, что «наука – сама себе философия» – это утверждение истинное. Странно, что Муравьёв не смог увидеть противоречие в двух высказываниях: ведь если наука может обойтись без философии, то как она может быть философией, а если она – философия, то как она может обойтись без философии. Но он, видимо, даже не задумался об этом.

Вообще, это непонимание тесной связи философии и наука происходит уже в античности после распространения христианства, как я показывал выше. С тех пор многие философы так и не могут осознать эту тесную неразрывную связь. Что значит, что они не могут понять и самой философии и науки. Со времён Канта это непонимание стало приобретать всё более академический характер.

Например, ещё Конт скептически относился к философии, он считал, что философию нужно заменить позитивным знанием, основанным на современной науке, потому что наука, считал Конт, способна реально что-то дать человечеству, в отличие от философии. Это иллюстрирует, тот факт, что Конт тоже не понимал, что такое философия и как

она работает. Он не понимал, что наука – это и есть результат научной философии. Как и многие, он не понимал, что для того, чтобы увидеть это и понять, необходимо разделить философию на научную и фиктивную. То есть ни Гегель, ни Энгельс, ни последующие философы не могли понять, что деление философии на идеалистическую и материалистическую (каковое деление признают все!!!) – это по сути деление философии на фиктивную и научную. Одни этого просто не могут понять, т.к. слабо понимают философию вообще, другие же (особенно идеалисты) всячески пытаются это скрыть, заболтать, оболгать, чтобы их философские идеи не были признаны ненаучными.

Также в своем высказывании Муравьёв ошибается и тогда, когда упрекает Энгельса в том, что «свою диалектико-материалистическую точку зрения Энгельс опрокидывает на историю философии». Муравьёв утверждает, что это «по крайней мере, не исторично». И глубоко ошибается. Если историю философии изучать научно, то её никак не изучишь по иному, кроме как с диалектико-материалистической и атеистической точки зрения. Любая другая точка зрения не сделает из истории философии науку. Только лженауку.

Идеалистические представления о главном вопросе философии

Давайте теперь рассмотрим, какие аргументы сегодня предлагают сторонники Энгельсовского «основного вопроса философии» (ОВФ) в споре о том, что этот вопрос якобы касается не только всей философии, но и вообще каждого человека.

В цифровой энциклопедии «Циклопедия» есть статья «Основной вопрос философии», опубликованная 18 сентября 2024 года. В этой статье есть такое примечание:

«Ответ на ОВФ является не результатом логического вывода по правилам традиционной логики, а результатом мировоззренческого выбора философа и не может быть научно обоснован, то есть ответ на ОВФ суть часть системы аксиом (постулатов, принципов), лежащих (явно или не явно) в основании строящейся философии, ядро любой философской системы, которое фундирует (определяет, букв. "закладывает фундамент") всё её дальнейшее развитие».

Что мы тут видим? Первое и главное: выбор ОВФ Энгельса – это не проблема философии, а мировоззренческий выбор самого философа. Именно на это и указывает филоистика. Это не может быть проблемой или вопросом филосо-

фии уже на том основании, что выбор делается не на знании или логическом выводе, как верно указывается, а на основе уже существующего мировоззрения, которое прививается с детства. Воспитанный в религии философ не может не быть идеалистом, если свой выбор делает на основе своего мировоззрения. А по факту он не может быть и научным философом.

То же самое касается и философа, воспитанного в материализме и атеизме. Если он будет отвечать на данный вопрос, основываясь на своём мировоззрении, то ответ будет вполне очевиден. Поэтому данный вопрос – это не вопрос философии, а вопрос мировоззрений. Иными словами, тот, кто думает, что ОВФ Энгельса относится к философии, тот просто не умеет отличить философию от мировоззрения и философа. Но философия – это не философ и даже не его мировоззрение. Философия – это осмысление действительности. Если оно основано на научных принципах – это научная философия, если не на научных принципах – это фиктивная философия. Всё. Ничего сложного.

Далее в приведённой статье стоит утверждение, которое, по замыслу автора статьи, должно подтвердить вышестоящее положение:

«Если конкретная философская теория не фундируется базисными принципами, определяющими её сущность, то это не теория, а бесплодная риторика».

Как ни странно, но утверждение это совершенно верное.

Вот только оно вовсе не подтверждает, а опровергает вышестоящее положение. Потому что выше совершенно неверно трактуются такие философские понятия как «аксиома», «постулат», «принцип», которые у авторов выводятся из мировоззрения. Это грубая ошибка и непонимание философии. Философия не строится на мировоззрениях, философия сама строит мировоззрения, поэтому её постулаты и принципы тоже не зависят от мировоззрений. Поэтому любая философская теория должна «фундироваться базисными принципами» самой философии, а не принципами мировоззрения философа. Философ может совершенно скверно понимать философию и иметь ненаучное мировоззрение. Значит, и его философская теория будет представлять не философию как таковую, а лишь его мировоззрение, его взгляд на философию. Такая философия не научна.

Поэтому и ОВФ Энгельса касается не философии, а мировоззрения философов, он не научен, а идеалистичен, зависит от представлений, а не знаний, соответствующих действительности. В научной философии вообще нет подобного выбора, следовательно, и такого вопроса не стоит.

Тем не менее, посмотрим, какие примеры выдвигают сторонники энгельсовского ОВФ. Они пытаются показать, что вся философия «распадается на две основные формы разрешения этой противоположности (между мышлением и бытием) – реалистическую и идеалистическую философию…» (Гегель). Из этой дуальности логично выстраивается

мысль о том, что «вся история философии вращается вокруг вопроса... об отношении духовного к материальному» (Фейербах). И тут уже один шаг до возведения этого двоякого отношения в «основной вопрос философии» Энгельса. «Философы разделились на два больших лагеря сообразно тому, как отвечали они на этот вопрос. Те, которые утверждали что дух существовал прежде природы..., – составили идеалистический лагерь. Те же, которые основным началом считали природу, примкнули к различным школам материализма» (Энгельс).

Чтобы привести свидетелей историчности ОВФ Энгельса, приверженцы этой идеи начинают с античности, с первых философов Древней Греции, с Фалеса. На это, собственно, указывал и Гегель в «Истории философии»:

«Фалесово положение, что вода есть абсолют, или, как говорили древние, первоначало, представляет собою начало философии, так как в нем достигается сознание, что единое есть сущность, истинное, что лишь оно есть само по себе сущее. Здесь наступает отделение от содержания нашего чувственного восприятия; человек отходит от этого непосредственно сущего».

Далее идёт Анаксимандр со своим апейроном, который утверждал, что apeiron – это беспредельное безграничное и неопределённое первоначало и основа всего а вовсе не воздух, вода, или нечто иное. Анаксимандр также учил, что части изменяются, целое же остается неизменным.

Далее – Гераклит, провозгласивший: «Огонь есть основной элемент, все является видом огня, и все происходит путем разрежения и сгущения».

Парменид утверждал: «Всё есть одно, единое». Также говорил, что небытия не существует, есть только бытиё.

Платон со своим «миром вечных изначальных идей».

Аристотель не согласился с учителем Платоном, он считал вещи реально существующими и конкретными. Аристотель был первым из известных сегодня философов, кто глубоко и систематически исследовал все доступные ему работы предшествующих мыслителей по всем направлениям философии. Поистине энциклопедический философ и учёный. Основой всего Аристотель предлагает считать архе – первоматерию, которая у него принципиально неопределима ни одной из категорий реального состояния сущего, а представляет собой некою потенциальную предпосылку существования, «перводвижитель». Это архэ уже содержит в себе признаки всех четырех элементов: огонь, воздух, вода, земля. Потом Аристотель вводит пятый элемент – эфир. Он говорит о возможности замены одного элемента другим, т.к. все элементы являются модификацией одной и той же первоматерии – архэ.

Далее указывается христианство с идеей святой троицы – триединство бога.

Некоторые полагают, что эта идея триединства вылилась у Гегеля в своё понимание философии: «Каждая из частей

философии – это философское целое, очерченный круг, законченный сам по себе... Целое философии напоминает, таким образом, круг, составленный из кругов» (Гегель, «Энциклопедия философских наук»).

Указывается даже схоластика, дабы подтвердить истинность ОВФ Энгельса.

Упоминают и Декарта, с его знаменитым: «Мыслю, следовательно, существую!», где якобы мышление первично, а бытие вторично, что, конечно, притянуто за уши. Во-первых, без головы мыслить не будешь, а голова – материя, бытиё. Во-вторых, существовать можно и не мысля, например, будучи в обмороке, находясь без сознания. Человек не мыслит, но никто не может утверждать, что он не существовал в это время.

Упоминают и Гассенди: «Существую – значит, познаю!», где бытиё первично, мышление вторично.

Конечно же, указывали и Канта, и Ясперса, и самого Гегеля.

Затем рассматривают ОВФ Энгельса в марксизме, в позитивизме, в экзистенциализме, в постмодернизме, и, наконец, современное состояние ОВФ Энгельса в России.

В результате делается вывод, что «сущность ОВФ в российской институтизированной философии оказалась выхолощенной, а неофитам ОВФ с лёгкой руки последователей логического позитивизма Венской школы начал преподноситься как некий историко-философский кунштюк». Кун-

штюк – это от нем. буквально «произведение искусства», «фокус», «трюк», означает ловкий приём, фокус, забавную проделку или уловку. Так, собственно, и получилось в действительности.

Естественно, что многие современные философы пытались разобраться в энгельсовском ОВФ и посвящали этому научные труды. Например, я уже упоминал доктора философии Гусева и его статью «Вторая сторона "основного вопроса философии" в контексте содержания современного образования», в которой как под копирку повторяются все указанные в предыдущих главах заблуждения, связанные с ОВФ Энгельса.

Но что мы видим из приведённых доказательств в пользу энгельсовского ОВФ? Мы видим отсылку к тому, что указанные философы ставили перед собой такие вопросы и размышляли о первоначале. Что это доказывает? Это похоже на отсылку к верующим учёным в доказательстве существования бога. Но ведь тогда неверующие учёные доказывают отсутствие бога. То есть, мы видим, что это всего лишь отсылка к мнениям, а не к доказательствам.

Поэтому вполне характерно то, что в указанном перечислении философов был умышленно упущен Сократ, который и вовсе не занимался этими вопросами. Даже если он и обращал иногда на это внимание, эти вопросы никогда не были для него главными. И он портит всю статистику приверженцам энгельсовского ОВФ. Ведь тогда выходит, что ОВФ Эн-

гельса, вовсе не касается всей философии, и ему совсем не каждый философ уделял внимание. Во всяком случае, такая величина в мировой философии как Сократ, вовсе не горел желанием в выяснении этого вопроса.

И Сократ не был в этом одинок. Например, тот же Диоген не ставил подобные вопросы во главу угла. Есть много философов, для которых энгельсовский ОВФ вообще не стоит или не является главным. Это признают сами сторонники ОВФ Энгельса, когда пишут о том, что сегодня среди учёных философов всё меньше сторонников того, чтобы считать этот вопрос главным для всей философии. И среди таких философов есть даже марксисты.

Итак, первый вывод заключается в том, что в доказательство верности энгельсовского ОВФ приведен ряд философов, которых интересовал этот вопрос, но умышленно умалчивались те философы, которые не занимались этим вопросом или не считали его главным. Налицо натяжка доказательства. Это значит, что данный вопрос не только не главный для всей философии, но не главный и для большинства философов, которые занимаются другими вопросами философии.

Но есть и другой вывод. То, что в доказательство верности энгельсовского ОВФ приведен ряд философов, занимавшихся этим вопросом, вовсе не значит, что все эти философы не занимались другими вопросами философии. Но если наравне с этим вопросом, всех указанных философов

интересовали и другие вопросы, то на какой основании делается заявление, что именно вопрос Энгельса нужно считать главным вопросом для всех указанных философов? Где доказательство, что Фалес, Анаксимандр, Гераклит, Платон или Аристотель именно вопрос о первоначале считали главным для всей философии? Ведь наряду с этим все они занимались и другими вопросами. Конечно, вопрос первоначала интересен, конечно он интересовал философов, но кто сказал, что он интересовал из больше других философских вопросов? Все указанные философы также рассуждали об общественных вопросах, и о политических, и о науке, и о религии.

Так вот вопрос первоначала интересовал их в основном только потому, что их не устраивали религиозные объяснения происхождения мира, и они искали более адекватные объяснения этому, они пытались выступать против религиозных мифов. Однако Фалес, например, ничуть не меньше занимался науками и вопросами общества. Платон тоже интересовался политикой и устройством общества. Задайте себе вопрос, о чём он писал больше, о первоначале или об устройстве общества? Вспомним хотя бы его работы о государстве. Об Атлантиде. Эти его работы куда более продуманы и фундаментальны. А сколько труда Аристотель положил на работу об организации полисов и общественного устройства? Он проработал практически всех предшествующих философов, рассматривающих эти вопросы. На каком

же основании мы должны считать, что вопросы первоначала были для него главнее?

Ниже я покажу, что всё было как раз наоборот. И в доказательство того, что ОВФ Энгельса не является для философии главным, будет приведено куда больше философов, включая и тех, которые были указаны в этой главе.

Материалистическая история решения главного вопроса философии

Фейербах, Маркс и Энгельс совершенно верно критиковали Гегеля, указывая на его ошибки, и показывая, что тот поставил с ног на голову всю философию, выдвигая постулат о первичности идеи, сознания. Тем не менее, сами они многое взяли из философии Гегеля всё в том же перевёрнутом виде, так и не сумев поставить взятые идеи на ноги. Эти перевёрнутые идеи были указаны выше. Среди них идея о том, что философия и наука – это разные явления; что философия ближе к религии и искусству, чем к науке; что сознание есть только у человека; что идеализм – это философия, а материализм – не философия, а наука. Как ни странно, эти и некоторые другие идеи Гегеля марксисты приняли без изменений. И этим пустили ложный взгляд на философию в научную академическую среду.

Филоистика все эти идеи опровергает, как тоже перевёрнутые с ног на голову, вывернутые наизнанку. Поэтому Гегель один из немногих философов, кто оказал наиболее пагубное влияние на всё дальнейшее развитие научной философии. Здесь ещё раз оговорюсь, что в данной работе я никак

не касаюсь вопросов диалектики. С этими вопросами уже разобрались Маркс с Энгельсом и Ленин. В данной работе речь о других вопросах философии, которые приводят к пониманию основной проблемы философии и главного её вопроса.

В чём Гегель, безусловно, оказался прав, так это в том, что философия всегда делилась и делится на идеализм и материализм (реализм). Уделял ли кто-нибудь до Гегеля этому вопросу особое внимание, или нет, не суть важно, но важно то, что именно это деление послужило толчком для возникновения у Энгельса идеи о главном вопросе философии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.